

**МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ
РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН**

**САМАРКАНДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ АЛИШЕРА НАВОИ**

Алимова Д.Х.

**РУССКО-ВОСТОЧНЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ
Часть - I**

САМАРКАНД – 2012

Алимова Д.Х. Русско-восточные литературные связи. Часть I.
Методическое пособие. – Самарканд: СамГУ, 2012. - 76 с.

Теоретический курс «**Русско-восточные литературные связи**» знакомит с краткой историей вопроса, прослеживаются этапы развития русско-восточных связей. В настоящей, первой, части пособия рассматриваются наиболее актуальные проблемы и этапы развития русско-восточных литературных связей конца XVIII-XIX века на материале конкретных литературных контактов (переводы, переложения, точные переводы, подражания, критические и историко-литературные суждения о литературе или отдельных писателях народов Востока), выявляется духовная связь русских писателей с традициями и художественным опытом литератур и культур Востока.

Пособие предназначено для студентов-филологов, аспирантов, и преподавателей гуманитарных факультетов, читающих лекции по изучению проблем литературных взаимосвязей.

Ответственный редактор: доктор филологических наук,
профессор Умуров Х.У.
Рецензент: профессор Ш.Шукуров

Самаркандский госуниверситет им. А. Навои, 2012.

ВВЕДЕНИЕ

Взаимодействие народов и культур - важный фактор общественного развития. Человеческая история всегда была историей контактов различных по своей антропологической, языковой и культурной принадлежности общностей, жизнь которых невозможна без взаимодействия и общения. Изучение проблем взаимосвязей литератур остается одним из актуальных в современном литературоведении, как в историко-литературном, так и в теоретическом аспекте.

При рассмотрении русско-восточных литературных взаимосвязей большое значение имеет изучение вполне конкретных литературных контактов, в частности, не только переводы-переложения, точные переводы, подражания, но и критические или историко-литературные суждения одного народа о литературе или отдельных писателях другого народа, преломление явлений.

Композиционный корпус данной работы держится на двух разделах. В первом разделе **«Основные характерные особенности междокультурного процесса в России XVIII-XIX вв.»** рассматриваются пути и формы становления русской ориентальной традиции; посредническая роль западноевропейской литературы между Востоком и Россией; функция перевода в междокультурном процессе; история развития научного ориентализма в России и отражения в русской публицистике XVIII-XIX вв. действительных путей и особенностей формирования образа Запада и Востока в сознании русского общества. Изучен широкий диапазон (в основном архивных, редких и новых) публицистических материалов, затрагивающих конфессиональные, этнографические, политические, литературные и другие вопросы по проблематике исследования.

Во втором разделе **«Восток в русской литературе XIX века»** рассматриваются темы: русский романтизм и восток, восприятие и

осмысление Востока в русской литературной критике, тема Востока в творчестве А.С.Пушкина, М.Ю.Лермонтова, Л.Н.Толстого. Исследовано, как возникла и развивалась идея национального своеобразия в ходе постижения Россией Востока, как происходило разграничение понятий «своего» и «чужого» в рамках русской культуры в указанный период и формирование западно-восточного синтеза в творчестве известных русских писателей одной литературы в творческом сознании писателей другого народа.

В ходе исследования процесса осмысления и восприятия русскими писателями восточных литературных памятников, появления переводов и их восприятия, т.е. серьезного творческого воздействия на русских писателей произведений литературы, фольклора, философской мысли Востока установлено, что со второй половины XVIII в. русская литература, становится восприимчивой к эстетическому своеобразию восточных литератур. Эстетическое обогащение русской литературы происходило, в частности, как через обращение к восточным художественным традициям, так и через изображение жизни народов Востока, потребовавшее новой художественной палитры. С возникновением и развитием в России произведений на восточные темы, переводом образцов восточной классики, русская литература обогатилась новыми выразительными и изобразительными средствами, структурными формами (восточная повесть, романтическая поэма, жанр газели и т.д.), образами; разнообразились пути и формы освоения и восприятия нового материала (свободный перевод, подражание, творческая имитация). Самое главное – в сознании россиян произошло сближение двух великих культурных традиций. Восток стал неотъемлемой частью историко-философского и эстетического сознания Запада и России.

Целями и задачами данного курса являются: изучение в теоретическом и практическом аспектах проблемы литературных взаимосвязей; умение

показать социально-культурную обусловленность процесса восприятия и осмысления в России XVIII- XIX вв. восточных литератур и их памятников.

Студенты должны изучать теоретические и критические работы по проблеме литературных связей; уметь практически применять полученные знания в анализе литературного процесса, художественного произведения; изучать отдельные факты разнонациональных литератур и уметь их сопоставлять, искать аналогии и связи.

Данный курс имеет связь с такими предметами как: «Литературные взаимосвязи», «Актуальные проблемы современного литературоведения»; «Теоретические проблемы литературоведения»; «Сравнительное литературоведение».

РАЗДЕЛ I
ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
МЕЖЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА В РОССИИ XVIII – XIX ВЕКА.

ТЕМА 1. ПУТИ И ФОРМЫ СТАНОВЛЕНИЯ РУССКОЙ
ОРИЕНТАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ.

План:

1. История возникновения русско-восточных литературных связей.
- 2 Развитие западной ориентальной литературы и проблема «Запад-Восток-Россия».
3. Тема Востока, его ценностей в творчестве русских писателей XVIII века.

Во второй половине XV в. русские купцы, путешественники, послы начали публиковать свои впечатления о Востоке и жизни мусульман. Замечательный подвижник и великий средневековый путешественник, купец из города Тверь Афанасий Никитин в своем сочинении "Хождение за три моря" широко и разнообразно представил читателям старой Руси XV века земли Ирана, Турции, арабских княжеств, Индии. Купец-писатель познал и увидел многое. Он впервые описывал Восток изнутри, и, когда начинал писать о религии, в своих записках переходил на арабско-тюркско-персидский разговорный язык. Он одним из первых европейцев описал нравы и обычаи народов и населения далекой Азии, и в этом его подвиг познания и приближения народов друг к другу. Творения Афанасия Никитина высоко ценились на Руси и были вставлены, как известно, в летопись. Русский купец Федот Котов в 1623 году в "Хождениях в персидской царство" описал Багдад, мусульманские праздники, быт Персии. О многом он, правда, пишет критически, но описывает жизнь и быт Востока зорко и внимательно.

С этого периода и начинается широкое внедрение восточных мотивов в русскую литературу. Вначале как орнамент, затем как часть мира и символ, которые пытаются понять и приспособить к отечественной истории культуры, литературе. В своих произведениях русские поэты стали задумываться над тем, что роднит христианина и мусульманина, халифа и раба. Стали переводиться восточная классика и произведения европейских поэтов, увлеченных Востоком. Практический и культурный интерес к Востоку у россиян возрастал именно в XVII веке под влиянием Европы, переживавшей буквально болезнь увлечения всем восточным.

Литературные взаимосвязи Востока и Запада имеют многовековую традицию. Начиная с X и до первой четверти XIX века, первые переводы восточной литературы появились в России при посредничестве Западной Европы. Из Византии, к примеру, пришла «История об Александре», «Повесть о семи мудрецах», сюжет из «Тысячи и одной ночи» - «Синагриб, царь Адоров и Наливские страны» (конец XV начало XVI века). В начале XVII века через Польшу в Россию пришли «Римские деяния», где содержится немало сюжетов восточного происхождения, «Александрия», включающая в себя фантастические описания Индии и Персии, «Валам и Иосифа».

В самый ранний - «зачаточный» - период западный литературный источник нередко служит лишь первотолчком для самостоятельной импровизации на различные темы. В начале XVIII века в русской литературе зарождались произведения связанные с восточными темами - к примеру, трагедия М.В.Ломоносова «Тамира и Селим». Подражанием восточным оригиналам являются такие анонимные произведения русской литературы, как «Зубаскал, или египетские сказки», «Новая тысяча и одна ночь»; «восточные» произведения писали Нарезный, Херасков, Глинка, И.А.Крылов. Не случайно большинство переводов восточных оригиналов и европейских подражаний-утилизаций пришлось в России на вторую

половину столетия, период, когда классицизм в русской литературе отживал свой век и на смену ему шел сентиментализм и романтизм. Литература Востока с её фантастичностью и свободой воображения была прямо противопоставлена нормативному искусству классицизма, что и обусловило необычайный всплеск ее популярности в эпоху предромантизма и романтизма. «Прелестные очи» и «нежные слезы» несчастной Фатимы, оплакивающей умершего от тоски Селима, свидания влюбленных «при луне унылой» и другие подобные мотивы и стилевые формулы, характерные для уже зарождающегося романтизма, пока еще немногочисленны, но существенны для нас постольку, поскольку здесь впервые «ориентальное» оказывается в какой-то степени связано с «романтическим». Этот феномен культурной жизни XVIII века нашел свой отклик в творчестве крупнейших русских литераторов эпохи.

Особую, чрезвычайно важную роль в формировании стиля русского ориентализма сыграли, на наш взгляд, «французские» — в переводе Галлана — сказки «Тысячи и одной ночи». Даже в «совершенно русской»¹ (3.143.) по замыслу богатырской сказке Карамзина «Илья Муромец» (1795), с ее былинным ладом, насыщенностью русскими фольклорными образами, вдруг возникает: «Розы алые с лилеями расцветают на лице его. Он подобен мирту нежному; тонок, прям и величав собой»(3.146).

Дмитриев, написав свои «Воздушные башни» (1794) по мотивам сказки «Alnaskar» француза Имбера, прямо возводит их «родословную» к сказкам Шехерезады («И бросясь на постель, займусь Шехерезадой. Как сказки я ее любил!) и насыщает текст характерно восточными приметами («все тропки порастут **персидским** виноградом: шербет польется как вода», «алмазы, изумруд, лазурь и яхонты», и «наутро» в праздничном наряде, весь в камнях, в жемчуге и в злате, как в огне» (3.376).

¹ Далее ссылки на издание с указанием тома и страницы помещены в тексте

Восточные элементы встречаются в произведениях и Н.И.Новикова (1744-1818), издателя журналов «Утренний свет» и «Покоящийся трудолюбий». В 1778 году Н.И. Новиков опубликовал IV части «Утреннего света» собрание морально-философских сентенций «Истины» (5), часть из которых, возможно, навеяна чтением «Гулистана» и аналогичных сочинений. Среди сочинений Н. И. Новикова встречаются попытки приспособить восточный материал в нравоучительных целях. Так, действие одной из его философских притч «Близ царя», «близ смерти» разворачивается в Самаркандии, её герои носят восточные имена: Селим, Хасанзаде и присутствуют отдельные реалии восточного быта и устройства жизни¹. Личное свидетельство о знакомстве с «Гюлистаном Саадиевым» оставил А.Н.Радищев (1749-1802) в своём философском трактате «О человеке, его смертности и бессмертии»: Наипаче действие естественности (природы А.Д.) явно становится в человеческом воображении, и сие следует в начале своем всегда внешним влиянием. Если бы здесь место было делать пространные сравнения, то бы в пример описал некоторые места из «Гулистана» Саадиева, из европейских и арабских мне известных. Что-либо из Омера (Гомера – А.Д.) и Оссиана».

Со второй половины XVIII в. эстетическое обогащение русской литературы как через обращение к восточным художественным традициям и художественному опыту, к памятникам литератур Востока, так и через изображение жизни Востока, становится примечательной чертой литературной эпохи. Новизна во многом определяется тем, что на этот раз исследование проблемы ведется востоковедами, вооруженными знанием восточных языков и достижений современной ориенталистики в содружестве с русистами. Зарождение и развитие востоковедения, прежде всего, способствовали появлению восточных сюжетов, мотивов, образов в русской литературе первой половины XIX века.

Контрольные вопросы:

1. Значение сочинения "Хождение за три моря" Афанасия Никитина.
2. Мотивы восточных сказок в русской литературе.
3. Тема Востока, его культурных ценностей в творчестве русских писателей XVIII в.

Литература:

1. Берков П.Н. Об историческом подходе к изучению международных литературных контактов //Проблемы исторического развития литератур. Статьи. – Л.: Наука, 1981.
2. Державин Г. Р. Стихотворения. Вступ. ст. Д. Д. Благого. Л., 1957.
3. Карамзин М. Н. Илья Муромец.— Карамзин М. Н., Дмитриев И. Избранные стихотворения. Л.: Советский писатель, 1963. - С. 143. Примечание (I) Н. Карамзина.
4. Проблемы системного и сравнительного анализа. – М.: Наука, 1976.
5. Новиков Я. Избранное. Вступ. ст. А. М. Пескова. М., 1983.
6. Радищев А. Н. О человеке, его смертности и бессмертии //Полн. собр. соч. М.; Л., - 1938-1952. - Т. 2.

ТЕМА 2. ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК «ПОСРЕДНИК» МЕЖДУ ВОСТОКОМ И РОССИЕЙ.

План:

1. Пути формирования литературных связей «Россия-Запад-Восток».
2. Немецкая ориентальная литература как «посредник» между восточной и русской литературами.
- 3. Восприятие и осмысление западноевропейского ориентализма в русской романтической литературе.**

Общеизвестно, что во всем многообразии различных линий эстетических межнациональных связей особое место занимают связи опосредованные — знакомство с закономерностями культурного развития иного народа через так называемого «посредника». Если в наше время активного прямого культурного общения народов это, пожалуй, наименее плодотворная линия художественного взаимодействия, то на ранних стадиях эстетических контактов роль связующего звена оказывалась чрезвычайно важной (8).

Сам процесс ознакомления с Востоком на Западе издревле шел по двум линиям. Одна из них - линия элементарно развлекательная, имела своей целью позабавить европейского читателя занимательными приключениями, описаниями подвигов героев и необычно роскошных аксессуаров их быта, изображением фантастических животных, растений и т. д. Причем все это облекалось в непривычные, экзотические литературные «одежды» и было заведомо далеко от реального подлинного Востока. Эта линия была связана, прежде всего, со знаменитыми сказками «Тысяча и одна ночь». Важнее и плодотворнее была вторая линия взаимодействия европейской культуры с Востоком - линия, которую, можно условно назвать «обогащающей». Естественный, уходящий вглубь веков интерес к жизни «иноплеменников» приводил на первых порах стихийно, а затем и осознанно к обогащению собственного национального искусства разных европейских народов.

Появившиеся на Западе произведения («Мудрости Брамина» Рюкорта, «Караван» Кауфа, восточных поэм Байрона, «Лала Рук» Т. Мура, «Восточные

мотивы» Гюго, разработки поэтами-романтиками Корана и Библии, «Крымские сонеты» А. Мицкевича, и, наконец, как высший образец органического единства, синтеза восточных и западных мотивов - «Западно-восточный диван» Гете) вошли в огромный пласт русской литературы многократными переводами разных поэтов. Они оказались, таким образом, вовлеченными в процесс русского литературного развития, становясь важнейшим фактором формирования собственно русской ориентальной традиции.

В роли посредников, как известно, могут выступать переводчики, писатели, ученые, путешественники. Посреднические функции подчас выпадают на долю литературных обществ и салонов, журналов, газет. Среди "посредников", сыгравших немаловажную роль в сближении литератур русской и восточной следует особо отметить немецкую ориентальную литературу (Гердер, Гете, Шиллер), немецкую классическую философию (Гегель).

В первой половине XIX века немецкая мысль и литература нигде не имела столь глубокого отклика, как в России, а русская литература выступает как диалектическое продолжение-отрицание немецкой философской культуры. Этому объективно способствовала тесная взаимосвязь немецкого Просвещения с новым, все более прочно утверждающимся методом романтизма, обусловленная спецификой общественно-политических условий их развития. Принципы исторического подхода к явлениям культуры и литературы усилили интерес к национальной старине и фольклору, а тем самым - и к национальному своеобразию культур различных народов. Несомненно, изменилось отношение к Востоку как некой экзотической реальности, отличной от европейского мировосприятия нехристианским вероисповеданием, иным бытовым укладом, обычаям.

Открывая восточные памятники и поэтов, знакомясь с "Махабхаратой", доисламской арабской поэзией, лирикой и эпосом персидско-таджикских поэтов, европейцы устанавливали не только общие черты, но и уровень

родства. Не случайно Гегель впоследствии, анализируя "романтическую форму искусства", говорит о поэзии как Запада, так и Востока, приводя постоянные параллели между "Песнью песней" и Оссианом, Хафизом и Шекспиром. Известны также первоначальные уподобления Хафиза и Петрарки (Пьеро де Валле), Горация и Анакреона (В.Джонс). Диапазон уподоблений становится широким во времени и пространстве. "Шахнаме" сравнивалось с гомеровской "Илиадой". В этом отношении трудно переоценить значение труда "Идеи к философии истории человечества" И.Г.Гердера (1744-1803), где впервые воспринимается Восток как равноправная часть единой общечеловеческой истории и культуры. При этом он заявил, что «именно на Востоке - колыбель человечества и человеческих устремлений».

Принципиальный отказ Гердера призвать античное общество единственной колыбелью искусства, его обращение к изучению культуры Востока имело исключительное значение для развития последующей литературы. Гердер сумел философски обобщить то передовое, что действительно имеется в культуре Востока, что представляет непреходящую идейно-эстетическую ценность, и должно быть органически соединено с передовой культурой Запада. И.С.Брагинский считает, что философские статьи Гердера, его сборник "Голоса народов" не только подготовили почву для идеи западно-восточного синтеза, но и посеяли первые семена его (2).

В литературной теории европейского романтизма проблема Востока и его влияния на западное искусство занимает особое место. Будь то увлечение экзотикой или бегство от реальной действительности и поиски политических и нравственных идеалов, возвращение к естественности или способность утверждения романтической личности - во всех указанных проявлениях восточная литература, определяя тему и содержание романтических произведений, прочно входит в европейскую культуру.

Называя "чисто романтическими все произведения поэзии индейцев, персов и других древних народов", Ф.Шлегель (1772-1829) находит много

общего между "арабскими песнопениями" и песнями Оссиана, "позднейшими романтическими стихотворениями персов как, например, "Меджнун и Лейли", "Хосру (Хисрав-А.Д.) и Ширин" и европейской поэзией средних веков.

Статья Ф. Шлегеля "О романе и драматической поэзии испанцев" была опубликована на русском языке в журнале "Московский вестник" (1828). Ф. Шлегель поставил вопрос о творческом освоении опыта наций, научных и культурных достижений человечества, предостерег от грубого европоцентризма и включал в круг исторического обозрения искусство Древнего Востока, Ирака и Индии. Сопоставление поэзии народов Древнего Востока, древних греков, евреев и персов, народов Европы, а также Индии открывало перспективу для правильного осмысления единства поэтического развития человечества. Ф. Шлегель набрасывал величественную и захватывающую картину развития национальных культур, по мере возникновения наций. Одна культура принимала участие в становлении национальной специфики другой. Сообщение идей было взаимным. Романтизм не мыслил этот процесс как одностороннее влияние одной культуры на другую. Если персы влияли на Индию, а для индийской культуры не прошли бесследно завоевание Александра Македонского, то в силу близости по языку и происхождения, индийская культура повлияла на персидскую (12).

Ф. Шлегель приходит к выводу, что в каждой национальной культуре можно обнаружить влияние других культур. Однако национальная самобытность перерабатывает и подчиняет себе всякое иноземное влияние, приспособливает и делает своим то, что заимствует у другого народа.

И.В.Гете (1749-1839) неустанно призывал к внимательному и доброжелательному изучению духовного богатства других народов. Масштабы творческих интересов и исканий Гете носили поистине планетарный характер. Он был знаком (разумеется, в пределах, в которых позволил сделать тогдашний уровень развития исторической и

филологической наук) с основными этапами эволюции духовной культуры Древнего и мусульманского Востока. Гете читал фундаментальное шеститомное издание Йозефа Хаммера Пургштала (1773-1856) "Сокровищница Востока" - нечто подобное архиву переводов восточных поэтов на разные европейские языки. Книга Хаммера "Истории изящных риторических искусств Персии"(1813), восходящая к средневековой персидской поэтической антологии, и двухтомное издание Хафиза в его переводе послужили историко-литературным материалом для написания «Западно-восточного дивана» Гете.

Поэт самым внимательным образом изучал восточную литературу и оставил проникновенные отзывы о корифеях классической персидско-таджикской литературы - Фирдоуси, Анвари, Руми, Саади, Хафизе, Джами. Рассуждая о "Шахнаме" Фирдоуси, Гете отмечал его важность как «непреложного, мифоисторического фундамента народности, в котором хранится память племен, жития, подвиги древних героев, в сокровенной форме передающих немало древнейшей, преемственной правды» (7,179).

Классическим примером западно-восточного литературного синтеза является "Западно-восточный диван" Гете, снабженный бесценным приложением: Статьи и приложения к лучшему уразумению "Западно-восточного дивана". В трудах исследователей (И.О.Брагинского, Л.И. Кесселя, Н.Н. Когана.) с большой убедительностью доказано, что "Диван" Гете является не своенравным сплетением восточных и западных традиций и не искусной стилизацией, а органическим синтезом двух культур, двух поэтических миров - Востока и Запада.

В 1815 году Гете писал: "Я давно занимался в тиши восточной литературой, и чтобы глубже познакомиться с нею, сочинял многое в духе Востока. Мое намерение заключается в том, чтобы непринужденным образом соединить Запад и Восток, прошлое и настоящее, персидское и немецкое так, чтобы нравы и способы мыслить проникали друг в друга. У меня собрался

уже довольно основательный томик, который, уже умноженный мог бы в дальнейшем появиться под следующим заглавием: "Собрание немецких стихотворений с постоянным соотношением с "Диваном" персидского певца Магомеда Шемэд-дина (Шамседдина-А.Д.) Хафиза» (7,713).

Ни одно из произведений Гете не тронуло Гегеля так, как "Западно-восточный диван". Прочитывая 17-е стихотворение из "Книги Зулейки (Зулейхи-А.Д.)", Гегель, имея в виду гетевскую широту восприятия иноземного, не европейского поэтического мира, заключает: «Чтобы писать такие стихотворения, нужно обладать необычайно широким образом мыслей, уверенностью в себе, пронесенной сквозь все жизненные бури, глубиной и молодостью чувства» (4.81).

В середине 20-х годов XIX века большой интерес вызывает "Западно-восточный диван" Гете и в России, на фоне увлечения русских переводчиков романтическим ориентализмом. В 1820 году журнал "Вестник Европы" опубликовал два стихотворения "Книги Зулейки" в переводе И.И.Дмитриева (1760-1837), оформившего переводы как маленький цикл "Персидских песен". А. А. Бестужев-Марлинский выбирает из "Западно-восточного дивана" четыре переводных стихотворения (источник указан только при первом: "Из Гете, с персидского. ("Пейте: самых лет весна ..."), а в остальных случаях имеются только пометки: с персидского ("Будь любезная далеки...", «Зулейка», "Нет, ты мой и мой навечно!", из Хафиза "Прильнув к твоим рубиновым устам ..."). Повышенный интерес русской эстетической мысли (Пушкин, Кюхельбекер, Шевырев, Одоевский, Герцен и др.) к художественному универсализму Гете (преимущественно как западно-восточного художника) был генетически связан с концентрацией их внимания на характере универсализирующей русской литературы, в которой в растущих масштабах осваивались богатства культур как Запада, так и Востока.

А.И.Герцен писал о Гете: "Поэт и художник в истинных своих произведениях всегда народен. Чтобы не делал, какую бы он не имел мысль

в своем творчестве, он выражает, волею или неволею, какие-нибудь стихи народного характера и выражает их глубже и яснее, чем сама история народа. Даже отрекаясь от всего народного, художник не утрачивает главных черт, по которым можно узнать, чьих он. Гете – немец и в греческой "Ифигении" и в восточном "Диване" (6.34)

Кюхельбекер, лично знакомый с Гете, которого он трижды посетил в 1820 году, оказался, пожалуй, первым деятелем русской литературы, понявшим значение "Западно-восточного дивана" как произведения, воплотившего в себе художественный синтез двух разнонациональных литератур Запада и Востока. Переводя те главы из "Примечаний и пометок", где Гете писал о восточных поэтах, В.К. Кюхельбекер в "Разговорах с Ф. В. Булгариным" писал: "С дивной легкостью Гете переносится из века в век, из одной части света в другую, в "Диване" сколько возможно европейцу, никогда не бывавшему в Азии, персиянин"(9.466). Так, входя в читательский круг, "Западно-восточный диван" Гете незаметно влияет на характер восточных преломлений в русской поэзии.

Подлинное открытие красоты восточной поэзии было осуществлено благодаря талантливым переводам, переложениям **Фридриха Рюккерта (1788-1866)** поэта-переводчика и ученого-ориенталиста. Его переводы отличаются точностью передачи содержания подлинника, богатым и образным языком с сохранением формы восточного стиха. В 1820 году вышел сборник 44-х газелей Мавлана Джалалледина Руми в переводе Рюккерта, тогда впервые в немецкую литературу была введена новая форма стиха – газель, заимствованная из персидско-таджикской поэзии. В 1822 году выходит из печати сборник стихов «Восточные розы» Рюккерта, написанный под влиянием Хафиза. Сами же переводы стихов Хафиза, сделанные Рюккертом, (переведено около 80 газелей и 30 четверостиший) считаются совершенными из всех переводов персидского классика на немецкий язык. Рюккертом переведены также газели и касыды из дивана Саади, стихи из «Гулистана» и полностью «Бустан», известны переводы отрывков из поэм

Джами. К величайшему национальному эпосу «Шахнаме» Фирдоуси Рюккерт обращался дважды. Так же, как и многие переводчики, он в начале обратил внимание на историю Рустама и Сухраба, трагическую историю поединка между отцом и сыном, не узнавшими друг друга. Подобный сюжет распространен в эпосе самых разных народов: Одиссей и Телемах в греческих сказаниях, Илья и Сокольник в русских былинах, Кухулин и Конлах в ирландских сагах, армянский вариант – Давид Сасунский и его сын Мгер, киргизский – Галлий и Сайдильда, Кероглы и его сын Хасанбек в азербайджанской и турецкой версии и др.

Имя Рюккерта было хорошо известно в России. Его переводили поэты А.А.Фет, А.Н. Плещеев, М.Н. Михайлов. Но особую славу в России принес Рюккерту перевод Жуковского В.А поэмы «Ростам и Зораб», с подзаголовком «Вольное подражание Рюккерту» с немецкого перевода. Поэма «Шахнаме» вошла в творчество Жуковского своим общечеловеческим содержанием, благодаря чему стала достоянием не только русского читателя, но и имела значение для всей русской литературы, как мифоисторическое произведение, собравшее народные сказания и историю в одну поэтическую рамку.

Посредничество - явление относительно недолговечное. С ним была связана лишь предыстория усвоения русской литературой "восточного" материала. Собственно же история начинается лишь потом, когда, выполнив свою функцию сближения литератур, "посредник" становится совершенно бесполезным. Иными словами, в силу потребностей литературного развития на смену переводам с переводов и "ступенчатому" проникновению тех или иных эстетических ценностей, в конечном счете, всегда приходит прямой перевод с подлинного, текста и непосредственное восприятие идей.

Контрольные вопросы:

1. "Западно-восточный диван" Гете - как пример литературного синтеза.
2. Ф. Рюккерт - поэт-востоковед, переводчик персидско-таджикской поэзии.

3. 4. Перечислить первые переводы, подражания восточным оригиналам в России при посредничестве Западной Европы.

Литература:

1. Белинский В. Г. Полн. собр. сочинений. В 13-ти томах. - М. АН СССР, 1953-1959 гг., т. VIII. С. 45.
2. Брагинский И. С. Заметки о западно-восточном синтезе в лирике Пушкина// Народы Азии и Африке. М, 1965 г, с. 673.
3. Взаимодействие литератур Востока и Запада. Сб.ст. - М.: Наука, 1967, С.28.
4. Гегель. Эстетика в 4-х тт. - М.: Искусство, 1969, т. 2.- С-77
5. Гердер И. Избр. соч. - М. -Л.: Гослитиздат, 1959. - С.392
6. Герцен А.И. Собр. соч. в 30-ти тт.-М.: АН СССР, 1954, т. V. - С. 34.
7. Гете И.В. Западно-восточный диван. М.: Наука, 1988. С.713-714 с.
8. Заборов П. Р. «Литература-посредник» в истории русско-западных литературных связей XVIII-XIX вв.//Международные связи русской литературы. М.; Л., 1963.
9. Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. - Л.: Наука, 1879. – С.466
10. Литературное наследство. - М., 1932, кн. 4. - С.203.
11. Хромов А. Л. Первые немецкие переводы произведений Джами, //Джами и литературные связи. - Душанбе: Дониш, 1989. – С.158.
12. Шлегель Ф. О романе и драматической поэзии испанцев. /Московский вестник, 1828, ч. IX. - С.341.

ТЕМА 3. ФУНКЦИЯ ПЕРЕВОДА В МЕЖЛИТЕРАТУРНОМ ПРОЦЕССЕ

План

2. Первые переводы, переложения, «ориентального материала» в западноевропейской и русской литературе.

2. Персидско-таджикская классическая литература в переводах.
3. История переводов Корана на русский язык.

Активное взаимодействие с Востоком — экономическое и культурное — началось на Западе гораздо раньше, чем в России, и в конце XVIII — начале XIX вв. уже достигло значительных успехов, в то время как русская ориенталистика — как научная, так и художественная, — в этот период еще только зарождалась. Влияние западной ориентальной традиции оказывалось наиболее сильным и наиболее важным именно на ранней стадии формирования традиции собственно русской.

Исторические обстоятельства сложились так, что Россия узнавала восточные сказки «Тысячи и одной ночи» и арабские «Моаллакаты», притчи Саади и «Шахнаме» Фирдоуси по русским переводам с французского, английского, немецкого, и лишь в последнюю очередь, уже в 20 — 30-е годы XIX в. по прямым переводам с подлинников.

Именно тогда были уже известны переводы французского ориенталиста Андре де Рие «Гулистан» Саади (1634) и Корана (1647); немецкого ученого А. Олиярия «Гулистан» (1651) и «Бустон» (1696), басни Лукмана; немецкий же миссионер Рогер в 1651 г. перевел «Шатаки» древнеиндийского поэта Бхартрихари. Целый ряд переводов из арабской поэзии и прозы осуществляли английские арабисты - отец и сын Потоки. Богатейший материал по истории, культуре и литературе Востока опубликовал в своей «Восточной библиотеке» - (1667) французский востоковед Д`Эрбело.

Большой вклад в популяризацию "Шахнаме" Фирдоуси внесло английское востоковедение, Уильям Джонс, утверждая, что героическая поэма Фирдоуси может быть переложена английским стихом так же легко, как "Илиада", первым занялся "Шахнаме", опубликовав в 1774 году отрывки из поэмы в сопровождении латинского перевода.

Несомненно, был известен в России перевод «Бустана» Саади, выполненный Адамом Алеарием, «Диван Магомета-Шелаъ-Ед-Дина

Гаафиза», изданный в Германии Хаммером Пургшталем (1833), «Юсуф и Зулейха» Джамии, опубликованный в немецком переводе Розенцвейга (1824, Вена) с введением и подробным историко-филологическим комментарием. В 1807 году в Париже в двух томах вышел французский перевод поэмы Джамии «Меджнун и Лейли», сделанный с оригинала А. Л. Шези. Спустя год в Лейпциге был опубликован немецкий перевод этого парижского издания с введением, примечаниями и приложениями А. Т. Хартмана. Глубокое знакомство с персидско-таджикской литературой состоялось после опубликования книги Йозефа фон Хаммера «История источников «Западно-восточного дивана» Гете».

Вышедшая в свет в 1918 году в Вене на немецком языке «История...» фон-Хаммера в течение десятилетий служил в качестве одного из основных фундаментальных трудов по истории персидско-таджикской классической литературы во всех востоковедческих центрах Европы, включая Россию. Ссылки на него встречаются в очень многих исследованиях западноевропейских и русских ученых XIX века (7).

Однако, по-настоящему массовый характер увлечению Востоком в Европе, придал перевод на французский язык «Тысячи и одной ночи», сделанный ориенталистом Антуаном Галланом, вызвав целый поток аналогичных переводов и подражаний: «Татарские», «монгольские», «китайские» сказки Тома Симона Теллета, «Турецкие сказки» (1707) и «Персидские сказки (1710; 1712) ирониста Пети де ла Круа. Книга Ф. Пети де ла Круа «Тысяча и один день Персидские сказки», хотя и связана с этой волной подражания Галлану, однако является вполне самостоятельным сказочным собранием, познакомившим европейцев уже не с арабскими, а с персо-таджикскими сказками. Арабские сказки были переведены впервые на русский язык в 1771 году Алексеем Филатовым, выдержав в течение XVIII века пять изданий. Переводились «Тузаратские султанши. Сказки монгольские» Т. С. Теллета (СПО, 1766), возможно, впервые познакомившие русского читателя о романтической историей любви Меджнуна и Лейли. В

1778-1779 гг. публикуется перевод «Тысячи и одной ночи», «Персидских сказок» Пети де ла Круа. В 1762 г. Борис Волков переводит «Калилу и Димну» («Басни Пильмая»).

Во второй половине XVIII столетия переводческая деятельность начинает поощряться властями. Стремясь быть на уровне «Просвещенной монархии», Екатерина II учредила «Собрание, старающееся в переводе иностранных книг» (1768-1783), в котором участвовали многие русские литераторы эпохи. В немалой степени работа данного собрания явилась предтечей нового всплеска переводов с восточной литературы.

Была известна в переводах и религиозная восточная литература. В 1771 году Анкетиль да Перрон ознакомил европейцев во французском переводе с Авестой - священной книгой древних иранцев, вывезенной им из Индии и представляющей один из замечательных памятников религиозного творчества. Известен был и Коран, в английском переводе Ж. Саля (1825). В 1716 году был переведен на русский язык с латинского перевода Коран (Алкоран о Магомете), приписанный Кантемиру, но на самом деле осуществленный в 1735 году Иваном Ильинским (1697-1737). С французского перевода Андре де Рие в 1790 году сделан перевод Корана М. Веревкиным, которым воспользовался А.С.Пушкин при написании «Подражаний Корану».

К первым, достаточно редким фактам обращения к Востоку в истории русской литературы могут быть отнесены переводы произведений Саади. Переводы из Саади содержатся в журналах «Трудолюбивый муравей» за 1771 год (в 21 номере журнала содержится переложение 8-го рассказа главы шестой «Гулистана»), «Утренний свет» (1778), «Приятное и полезное прохождение времени» (1796). В 1779 году появился новый отдельный русский перевод «Гулистана» Саади - «Басни восточные господина Сент-Ламберта», без указания первоисточника, хотя во вступлении упоминаются имя Саади. Перевод не совсем полный, стихотворные вставки «Гулистана» переданы прозой, сохранено предисловие самого Саади, деление по главам, правда, название глав не соответствует авторским, заметим, что

оригинальный перевод «Гулистана» французским переводчиком Сен Ламбером был опубликован в 1789 году десятью годами раньше русского переложения. О произведениях Саади её упомянул А. Пыпин в своих «Очерках литературной истории старинных повестей и сказок русских» (1857). В рукописи, отмеченной Пыпиным, переплетено несколько текстов: «Премудрости Локмона (Лукмана А.Д.) сказки», «Некоторые нарядные пословицы арабские» и «Персидский деревяной сад» («Бустон» Саади) (6).

Традиционно первым переводом произведений Джами считался перевод первой части одной из его касыд в русском журнале «Цветник» 1810 года. Однако ещё в 1795 году опубликована «восточная» повесть «Истинное великодушие». Взята она, как указывает переводчик из «Багаристана Дизмиева» (несомненно «Бахаристон» Джами)(3). Неизвестно, с какого из европейских переводов «Бахаристона» сделан этот русский перевод: с латинской версии 1778 года, опубликованной в Вене фон Иеншем, либо из более ранних французских или английских переложений, но с ним история русских переводов Джами возрастает, по крайней мере, на 15 лет.

В этом же журнале в 1794 году в третьей его части был помещен большой (30 страниц) раздел «Восточный моралист» содержащий восточные афоризмы и пословицы, переведенные с французской книги «Избранные сказки, басни и афоризмы». В пятой части журнала за 1795 год был напечатано два текста из Саади. В двенадцатой части журнала за 1796 год мы находим публикацию «восточная басня славного Саади с приложением «биографии» поэта. Переводчик сообщает нам, что годы жизни Шейха Мозлегедина Саади (так в оригинале) приходились на 571-691 годы «эгигы» (гиджры). Судя по датам, источником сведений для него послужила «Восточная библиотека» (1697) Д'Эрбело с многочисленными своими переводами из Саади, Джами и других восточных классиков. Материалы этого ценнейшего для своего времени труда по истории, культуре и литературе Востока публиковались в русских популярных дидактических

сборниках, типа «Отборные плоды великих как древних, так и новейших умов» (5).

Публикация переводов восточных философских, религиозных и литературных памятников в своё время вызвали как на Западе, так и в России XVIII века огромное количество подражательной литературы, это трагедии о пышном султанском дворе, описание восточных гаремов, милых пленниц, страждущих ханов и евнухов, изображение минаретов, мечетей, муэдзинов, паломников в Мекку и т.п. Среди авторов такого рода сочинений - крупнейшие фигуры европейского Просвещения: от Монтескье до Виланда, переводы которых в России косвенным образом показывают, насколько велик был культурный и художественный интерес русского читателя к Востоку и всему восточному. Четырежды переводились в России «Персидские письма» Монтескье, «восточные повести» Вольтера, «восточные» сказки Антуана Гамильтона, английских авторов Аддисона и Стиля, С. Джонсона. Особенно много таких переводов было рассыпано в русской периодике. Они публиковались также в нравоучительных сборниках Луки Сичкарева - «Забавный философ» (1766) «Зритель мира» (1784) и подобных их компиляциях.

Таким образом, с возникновением и развитием произведений на восточные темы, с переводом образцов восточной литературы русская поэзия не только обогатилась новыми выразительными и изобразительными средствами, созданы в ней новые структурные формы (восточная повесть, романтическая поэма и т.д.). Многообразились пути и формы освоения и восприятия нового материала (свободный перевод, подражание, творческая имитация и т.д.), но что самое главное – в сознании россиян, произошло сближении двух великих культурных традиций, приведшее в дальнейшем к синтезу и взаимообогащению.

На сегодняшний день русские ученые расшифровывают и переводят на русский язык письменные источники, собирают фольклор народов Востока. В России выходят в свет труды по истории, культуре народов Востока

выдающихся ученых востоковедов - Е.Э. Бертельса, К.И. Чайкина, Ю.Н. Марра, А.Н. Болдырева, И.С. Брагинского, А.Мирзоева, А.А. Старикова, Д.С. Комиссарова, А.З. Розенфельда и многих других. А это значительно расширяет пути взаимодействия русской и восточной культур.

Контрольные вопросы:

1. Первые переводы, переложения, подражания восточной литературы в западноевропейской и русской литературе.
2. Произведения Саади, Фирдоуси, Джами в переводах на европейские и русские языки.
3. Значение перевода на французский язык «Тысячи и одной ночи», сделанный ориенталистом Антуаном Галланом.
4. История переводов Корана на русский язык.

Литература:

1. Взаимодействие литератур Востока и Запада. Сб.ст. – М.: Наука, 1987.
2. Восток – Запад. Исследования. Переводы. Публикации. – М.: Наука, 1985. – 291.
3. Истинное великодушие. //Приятное и полезное препровождение времени. – СПб, 1795.
4. Левин Ю.Д. Русские переводчики XIX века и развитие художественного перевода. – Л.: Наука, 1985. – С. 299.
5. Отборные плоды великих как древних, так и новейших умов. – М., 1795.
6. Пыпин А. Очерки литературной истории старинных повестей и сказок русских. – СПб, 1857.
7. Хромов А. Л Первые немецкие перевода произведений Джами, //Джами и литературные связи. - Душанбе: Дониш, 1989.. -158 с.

ТЕМА 4. ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ НАУЧНОГО ОРИЕНТАЛИЗМА В РОССИИ.

План:

1. Формирование и развитие востоковедения в России XVIII – XIX века.
2. Роль русских ученых ориенталистов в развитии русско-восточных литературных связей.

В начале XIX века интерес к Востоку в России особенно усиливается. Уставом 1804 года в российских университетах вводилось преподавание восточных языков — арабского и персидского. В Россию был приглашен немецкий ориенталист Х.Д.Френ, основоположник российской арабистики, он стал впоследствии одним из крупнейших востоковедов своего времени. В 1807 году он был назначен профессором кафедры восточных языков Казанского университета. Упорядоченное Френом собрание арабских монет VII—XI веков и монет Золотой Орды при Академии наук в Петербурге составило уникальную нумизматическую коллекцию, а нумизматика превратилась благодаря Френу в самостоятельную научную дисциплину. В 1818 года Х.Д.Френ организовал в Петербурге при Академии наук Азиатский музей, где кроме монет хранились арабские, персидские и турецкие рукописи и книги, что создало надежную рукописную базу для дальнейшего развития русской ориенталистики.

В краткой памятке Азиатского музея (1818-1918) мы находим сведения о том, что персидско-таджикская литература хорошо была представлена в коллекции приобретенной в 1819 и 1825 гг. у французского консула Руссу. Начиная с роскошного списка «Шахнаме» Фирдоуси, в коллекции имелась на лицо вся блестящая плеяда поэтов, составляющих славу Персии: Анвари, Хакани, Манучехри, Саади, Хафиз, Аттар, Джалал-ед-дин Румий, Джами и многие другие. Кроме того, богатым собранием восточных рукописей владело учебное отделение восточных языков при Министерстве иностранных дел, основанное в 1823 году, для подготовки молодых людей к дипломатической службе на Ближнем Востоке.

Активным поборником изучения Востока выступил С.С.Уваров президента Императорской Петербургской АН с 1818 года, впоследствии (1833-1840) министра народного просвещения. Находясь на дипломатической службе в Вене, он был поражен научным интересом Западной Европы к искусству и культуре, языкам и литературам Востока. Уваров

пришел к мысли о необходимости создания в России «Азиатской Академии», о которой помышлял еще М. В. Ломоносов. Академия должна была бы готовить высококвалифицированных ориенталистов. Основной целью, предложенной им Академии, предполагалось «служение посредническое между образованностью Европы и просвещением, скрывающемся в недрах Азии, и соединения в себе всего того, что может иметь некоторое отношение к познанию Востока...Фирдузы (Фирдоуси – А.Д.), персидский Гомер, не переведен. Хафиць (Хафиз – А.Д.), Анакреон Персии, известен только по некоторым отрывкам. Поле Восточной поэзии ожидает трудолюбивой руки, которая, обработав его, показала бы нам гений Востока во всем великолепии ему принадлежащий и тем расширила бы сферу наук словесных»(9.108).

Спустя несколько лет после публикации своего «Проекта» Уваров в своей речи, произнесенной на торжественном собрании Главного пединститута в 1818 году, подчеркивал важность Востока в истории как «первой колыбели, первым поприщем лучшего бытия, из которого проистекали все религии, науки, философии». Уваров дает краткий очерк малоизвестных в России арабской, персидской и индийской литератур, в приобщении которым он видел возможность обогащения русской словесности: «Если же с распространением классической литературы совокупить познание восточной, то мы и теперь в полном праве ожидать обновления нашей словесности...»(9).

Ориенталист Осип Михайлович Ковалевский (1800-1879), выпускник (1828) тогда еще единственной восточной арабо-персидской кафедры Казанского университета, в своей речи «О знакомстве Европейцев с Азией» произнесенной на торжественном собрании Императорского Казанского университета в 1838 году говорил: «Истекшие пятидесятилетие принесло нам столько превосходных творений о Востоке, что мы с приятным удивлением взираем уже на огромную массу сведений, на разнообразные и драгоценные материалы, из которых сооружается великолепнейшее, гармоническое здание, прельщающее нас своим видом,

внутренним расположением и богатством украшений»(4). Ориенталист говорит о необходимости изучения местоположения, языка, нравов, обычаев, религии, что может служить ключом, за которым сокрыты все сокровища Восточной учености.

Научное освоение «восточного» материала, основанное на прямом знакомстве с источниками, началось со второго десятилетия XIX века, когда востоковедение как наука получила государственное признание. В России создавалась определенная система, предусматривавшая подготовку кадров различной научной востоковедной специализации, учреждались востоковедные учебные и научные центры (Азиатский музей Академии наук, Лазаревский институт восточных языков, Учебное отделение Азиатского департамента МНД России). Были образованы кафедры восточных языков в Харькове (1805 - 1806), Казани (1807), Москве (1811), Петербурге (1818).

Развивается школа перевода с восточных языков. Поэзию Саади, Хафиза, Хайяма, Фирдоуси, Атгара и Низами усиленно пропагандируют А.В.Болдырев (1780 - 1842), А.И.Бюргер (1804 - 1878), П.Я.Петров (1814 - 1875), Д.П.Ознобишин (1804-1877), выступавший под восточным псевдонимом Делибюрадер (букв. «Сердце брата»).

А.В.Болдыреву принадлежат первые переводы с арабского и персидского, издание первых в России сборников - образцов литературных произведений, созданных на этих языках. Он явился создателем первых учебных пособий по персидскому, арабскому языкам и литературы. Составленная им «Персидская хрестоматия» в 2-х частях, издавалась дважды в России (1811, 1833) и была единственным пособием при изучении персидского языка и литературы вплоть до публикации «Образцов персидской письменности» Мирзы Абдуллы Гафарова, т.е. до начала XX столетия. Этот труд дал обширный материал для художественных переводов. А.В.Болдырев опубликовал немало переводов с персидского и арабского языков, близких к оригиналу с сохранением системы образов подлинника. Им был переведен отрывок из популярной на Востоке легенды о Меджнуне и

Лейли, опубликованный в 1811 году в «Вестнике Европы». Возглавленная Болдыревым московская школа выработала свои принципы художественного перевода с восточных языков. Это было требование строгого подхода к выбору материала для перевода, знакомства читателя только с переводами, представляющими идейно - художественную ценность, бережное отношение к оригиналу, художественная точность передачи духа оригинала, его образной системы и формы.

Исключительную роль в развитии востоковедения сыграло появление выдающихся ориенталистов - представителей восточных народов России. К числу таких востоковедов относится **М. К. Казем-бек (1802 - 1870)**, создатель казанской школы ориенталистов.

Преподавание Казем-бека, по отзыву его ученика и биографа М.Н.Березина, было «чрезвычайно ясным и доступным для любого слушателя, этот профессор располагал неистощимым запасом знаний по всем отраслям востоковедения, точными и подробными ответами на всякий вопрос». Это был прогрессивно настроенный ученый, один из образованнейших людей своего времени.

Академик В. В. Бартольд писал: «Сенковский и Казем-бек своими лекциями создали русское востоковедение, почти все русские ориенталисты следующих поколений были учениками их учеников» (2).

В журнале «Министерства народного просвещения» за 1936 год была опубликована речь Казем-Бека, произнесенная на торжественном собрании Императорского Казанского университета «О появлении и успехах восточной словесности в Европе и упадке ее в Азии», где он выступал с пониманием всей важности изучения восточных языков – «как лучшего руководителя к достижению истины в исследовании народных древностей, в особенности, как единственный путь к сокровищницам знаний Востока».

Называет поэму Фирдоуси «Шахнаме» «блистательным памятником гения и просвещения Востока», Казем-бек представил свой перифраз одного куплета песни неизвестного поэта XV столетия: «Фирдоуси он

чудотворец, он пророк мира Поэзии, он гений небесный! Слово отцов наших, лишенное славы и престола, угасало в мрачной безызвестности; но явился этот гений, и силою небесного вдохновения воспламенил его, и благославил его венцом бессмертия, указал ему путь на трон!»(6).

Ориенталист **О.И.Сенковский** явился автором многочисленных «восточных повестей» и художественных переводов. Наука, история, политика, география, торговля и промышленность мусульманского Востока были изучены О.И.Сенковским во время путешествия по мусульманскому Востоку (1819-1820). Владея арабским, персидским и турецким языками, он считал, что нельзя понять жизни Востока, не научившись предварительно думать на тех языках, которые могли бы послужить со временем составлению подробной истории восточных народов.

Сенковский был зачислен ординарным профессором Санкт-Петербургского университета (1822) сразу по двум кафедрам: арабской и турецкой. За время своего преподавания в университете (1822-1847) О.И.Сенковский читал «Очерк литературы мусульманских народов и географии Азии» и опубликовал несколько исследований по истории филологии, этнографии мусульманского Востока. В статьях Сенковского сформулированы главные принципы, которые, по его мнению, должны лежать в основе изучения стран Востока: «первое средство узнать Восток – путешествовать по нему довольно долго: «путешествование доставляет более или менее точный обзор наружных форм его – что уже очень важно. Второе средство – читать его книги на собственных языках: тогда проникаете вы во внутренность его понятий, логики, страстей, характера и образа действия... третье, последнее и лучшее средство – путешествовать и читать его книги: тут вы увидите и лицевую и изнаночную его сторону, Восток вещественный и Восток нравственный» (8).

Сенковским было сделано такое неоценимое приобретение как Ардебильское собрание персидских рукописей, ныне находящихся в Санкт-Петербурге в публичной библиотеке. Ардебильская библиотека обязана

своим происхождением шаху Аббасу Великому (н.VIII в.) после взятия города Ардебилля русскими войсками (в начале 1828) города, по настоянию Сенковского, она была переведена в Санкт-Петербург.

Большой вклад в дело популяризации фарсиязычной литературы в России в середине XIX века внес **Д.П.Ознобишин-Делибюрадер (1804-1877)**, изучавший фарси и арабские языки. Велика роль Ознобишина как поэта-переводчика, подражателя и перелagателя произведений фарсиязычной поэзии. Он был автором переводов из Хафиза “Ода Гафица”, двух переводов из Низами – великого азербайджанского поэта, писавшего на фарси. Особенно значительны его подражания, переложения, импровизации. В стихотворениях “Упрек”, “Признание”, “Поцелуй”, “Рождение перла”, “Продавец невольниц”, “Милодора” и других, в “восточной поэме” “Селам, или язык цветов” Делибюрадер старался обновить и обогатить поэтический арсенал за счет мотивов, образцов и приемов персидско-таджикской поэзии, органически соединяя при этом достижения двух культур – западной и восточной.

Таким образом, развитие школы востоковедения и появление внушительного количества переводов, подражаний, их широкая популярность позволяет говорить о том, что у русского читателя было достаточно источников для ознакомления с литературой Востока.

Контрольные вопросы:

1. Деятельность основоположника российской арабистики Х.Д.Френа.
2. «Мысли о заведении в России Академии Азиатской» министра образования С.С.Уварова.
3. Ориенталист Осип Михайлович Ковалевский (1800-1879) и его речь «О знакомстве Европейцев с Азией».
4. Деятельность ориенталиста А.В.Болдырев (1780 - 1842).
5. Принципы московской школы художественного перевода с восточных языков.

6. Создатель казанской школы ориенталистов М. К. Казем-бек (1802 - 1870) и его речь «О появлении и успехах восточной словесности в Европе и упадке ее в Азии».
7. Ориенталист О.И.Сенковский - автор многочисленных «восточных повестей» и художественных переводов.

Литература:

1. Барон Федор Корф. Воспоминания о Персии.1834-1835.. //Журнал министерства народного просвещения. – М., 1839, ч.21. – С.72-73.
2. Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России. – Л., 1911. - С. 286.
3. История отечественного востоковедения до середины XIX века. – М.: Наука, 1990. – С.201.
4. Ковалевский Осип. О знакомстве Европейцев с Азией //Журнал Министерства Народного Просвещения. – СПб,1837, №:XI. – С.251.
5. Лунин Б.В. Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении. – Ташкент: Фан, 1985. – С.408.
6. Мирза Казем-Бек. О появлении и успехах восточной словесности в Европе и упадке в Азии. ///Журнал министерства народного просвещения. – М., 1836, ч.21.
7. Речь президента Императорской Академии Наук, попечителя Санкт-Петербургского учебного округа Уварова С.С. на торжественном собрании Главного пед. Института 22 марта 1818 года. – СПб, 1818. - С.3.
8. Сенковский о.И. Предисловие к «Энциклопедическому лексикону Плюшара». // Журнал «Библиотека для чтения», 1837, т. 25.
9. Уваров С.С. Мысли о заведении в России Академии Азиатской //Вестник Европы, 1811, ч.55, № 1. – С.32-33.

ТЕМА 5. ТЕМА ВОСТОКА В РУССКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ

План:

5. Значение русской журналистики в углублении русско-восточных литературных связей.

- 2 Журнал, посвященный специально Востоку - «Азиатский вестник».
3. Восточная тема в журнале «Вестник Европы».

Большой историко-литературоведческий интерес в плане литературных взаимосвязей представляют материалы русской периодической печати. Нами изучен широкий диапазон (в основном архивных, редких и новых) публицистических материалов, затрагивающих литературные и другие вопросы по проблематике исследования. В российских журналах начала XIX века: «Азиатский вестника», «Вестник Европы», «Сын Отечества», «Московский телеграф», «Библиотека для чтения», «Северная лира», «Пчела», «Современник», журнал «Министерство народного просвещения» периодически публикуются самые разнообразные ориентальные материалы путешествий, отчеты научных азиатских обществ; научные статьи по вопросам литературы и искусства Востока, обзоры литературы и искусства, стихотворные и прозаические переводы и подражания.

В период расцвета переводческой и подражательной литературы, в течение 3-х лет с 1825 по 1828 гг. в Петербурге Григорием Спасским (1783-1861) издавался научно-литературный журнал, посвященный специально Востоку - «Азиатский вестник», содержащий в себе «избранные сочинения и переводы по части наук, искусств и словесности стран, восточных равно путешествия по этим странам и разные новейшие сведения».

В «Азиатском вестнике» (1825) выражалось сожаление о том, что только по переводам иностранных писателей знакома в России словесность Персии: «Сколько бы пользы могли сделать русские, когда бы стали упражняться в Азиатских языках? Не только наша Словесность украсилась бы от сего новыми цветами, но и самая наша история, география и естествознание. История много бы приобрела. Может быть, тогда перевели бы на наш язык Фирдоуси – Гомера Персии, Хафиза – Анакреона сей страны, Саади – философа и поэта, и вернее бы передали арабские повести, столь привлекательные в устах Шахерезады...Для изучения персидского языка,

который по всей справедливости может быть назван Итальянским для Азии, мы не имеем ни одного сочинения. Только по переводам иностранных писателей знакома словесность Персии, самая приятная и самая образованная на Востоке»(1).

В «Азиатском вестнике» (1826) была опубликована большая статья «Взгляд на древнее и нынешнее состояние Словесности и Искусства в Персии» русского востоковеда И.Ботьянова. Будучи воспитанником (1823-1826) учебного отделения восточных языков Азиатского департамента Министерства иностранных дел ориенталист демонстрирует возможности обогащения «языка отечественного» за счет новых мыслей, оборотов и выражений восточной словесности. Высоко оценивает Ботьянов восточную поэзию, называя ее «рассадником прекрасных цветов», и сожалеет, что из него одни только ориенталисты «вяжут малые пучки».

В последовательном переводе и распространении образцов таджикско-персидской литературы русский востоковед видит плодотворный источник обогащения родной литературы и лексики родного языка. Особое предпочтение автор статьи отдает Фирдоуси и его поэме «Шахнаме». «Поэма «Шахнаме» может, по всей справедливости, считаться редким явлением в области изящных наук; ибо поэзия у Персов достигла посредством сего сочинения высшей степени совершенства так, что произведения последующих веков никак не могли стоять наряду с оными, как пиические сочинения Греков не могли сравниться с Илиадой».

В «Азиатском вестнике» (1825) Ботьянов очень часто публиковал свои переводы Джами, отрывки из произведения «Меджнун и Лейли». Ему принадлежит статья «Мавлани Джами, Поэт Персидский», где мы находим помимо сведений о биографии Джами, характеристику его творчества. Сравнивая Джами и Саади, ориенталист считал, что Джами шел по следам Саади в своем творчестве, «где находятся стихи и проза, рассуждения и повести, как в «Бустане» и «Гулистане» Саади».

Журнал «Вестник Европы», созданный в 1820 году Н.М.Карамзиным (1766-1826), на протяжении всех лет своего существования представлял на своих страницах многообразные восточные материалы. Это были описания путешествий, статьи, обзоры литературы и искусства Востока, переводы с образцов восточной поэзии и прозы - обычно с французского языка, иногда с подлинника. Статья «О языке Персидском и Словесности» (1815) посвящена общей характеристике восточной литературы. Это были обширные извлечения из книги французского ориенталиста А.Журдена «Персия, или картина управления, религии, литературы этой страны» (1814), посвященные классикам восточной литературы, получившим мировую известность: Фирдоуси, Саади, Хафиз, и знакомит со многими ранее неизвестными образцами персидско-таджикской лирики. Книга иллюстрирована образцами их сочинений. В ней высказаны замечания о своеобразных особенностях восточной поэтики с точки зрения исследователя-европейца. «Из всех родов Словесности Поэзия есть один, который Персияне обработали с величайшим успехом, и которому их влечет природная склонность. Сия часть Персидской Словесности есть рассадник роз и прекрасных цветов, у которого ориенталисты похищают одни маленькие букеты, хотя многие произведения, будучи выбраны со вкусом, с разборчивостью и критикою, заслуживали бы быть переведенными на языки Европы». В статье приведены три газели Хафиза («Прижимаю розу к груди своей; рука моя держит чашу вина сладкого...»), «Юноша! Наполни вином кубок мой!..», «Два нежных друга, две чаши вина старого!..») и «Завещание» Саади.

«Вестник Европы» (1825) высоко оценивает творчество Саади. «Одним из самых остроумных и обильных писателей Персии, особенно богатый мыслями, Джами...Пальма гения, бесспорно принадлежит Мудрецу Шираза: Саади, он возвышеннее и более имеет вдохновение; Сади (Саади – А.Д.) остроумнее и глубокомысленнее; даже встречаются в нем такие места, которые принесли бы честь самым проницательным мудрецам и лучшим

стихотворцам Европы – возвышает ли он людям их обязанности в прозе сладкогласной, или в священном восторге с гусями Давида возносится к престолу предвечного, и в величественнейшем песнопении славит его могущество и бесконечную благодать. Но Джами есть достойнейший ревнитель знаменитого своего учителя, и сад его Бекаристана («Бахористон» – А.Д.) имеет то редкое достоинство, что многие стихи, заключающие в себе нравоучительные мысли, анекдоты, басни, сделались пословицами»(3).

Н.М.Карамзин – редактор «Вестника Европы» (1802-1803) проявлял явный интерес к литературе Востока. В 1798 году была напечатана книга его переводов «Пантеон иностранной словесности», где наряду с переводами из европейских писателей, мы находим переводы из восточной литературы, в частности, из произведений Саади (прозаический пересказ начала первой главы «Бустона», озаглавленный Карамзиным «Последние слова Козроэса-Парвиса» (Хосров-Парвиз – А.Д.), сказанные им сыну своему)). В этой главе «Бустона» Саади призывает правителей быть мудрыми и справедливыми, и его слова в пересказе Карамзина звучат так: «Счастье твое (правитель) должно состоять единственно в счастии твоих подданных. Первая добродетель для монархов – есть справедливость... Ты (царь) не будешь в изобилии, когда подданные твои в недостатке». Карамзин сам указывает на источник цитаты – «Персидскую книгу – «Бостон», сочиненную поэтом Саади». Во второй книге «Пантеон» Карамзин поместил целый нравоучительный раздел «Мысли восточных мудрецов», который был сформулирован на основе «Восточной библиотеки» Д'Эрбело. Немало афоризмов в разделе, принадлежащем Саади, несколько отрывков из арабской поэзии, перевод драмы «Шакунтала», древнеиндийского поэта Калидасы (Карамзин воспользовался немецким переводом Фостера).

Журнал «Сын Отечества» в 1826 году публиковал статью ориенталиста Д.П.Ознобишина-Делибюрадера (1804-1877) «О духе поэзии восточных народов». Выступая, как популяризатор поэзии на языке фарси, автор,

сделав общий обзор истории изучения поэзии Востока в Европе и России, говорит о Фирдоуси, Низами и его “Хамсе” (“Пятерице”), о Саади, Хафизе и Джами. Статья была опубликована под псевдонимом “Делибюрадер” (“Сердце брата”), которым подписывал Ознобишин все свои труды по восточным литературам. Ознобишин рассматривает восточную литературу как “попеременно величественную и тихую, ужасную и пленительную, разнообразную и полную красоты веков первобытных. Язык ее есть язык страсти; оттого он силен, обилует фигурами и метафорами, если даже, как иные утверждают, иногда излишествует сравнениями, то, это потому что он есть излитие сердца преисполненного, которому не достает слов для выражения всех своих чувствований”. Говоря, о духе и характере персидско-таджикской поэзии Делибюрадер подчеркивает сущность каждого, взятого в отдельности, поэта: “Каковым является Фирдоуси в исторической эпохее, таков и не менее славный Низами в роде романтическом, Энвери (Анвары – А.Д.) как панагерик, Джалалледин (Руми – А.Д.) как писатель мистический, Саади как нравоучитель, и, наконец, Гафиц (Хафиз –А.Д.) как поэт эротический, коего газели (оды), без всякого пристрастия, назвать можно неогрениченными перлами Востока. Джами не может считаться ни в каком отношении первым, но почти во всех родах имеет полное право на второе место, и потому, по всей справедливости, может быть причислен к собранию сих Великих Поэтов” (4).

Ознобишин сравнивает персидско-таджикскую литературу не только с европейской литературой и, как это было принято, с литературами древней Греции и Рима, но и с восточными литературами в целом: еврейской, арабской, китайской, индийской.

Ориенталист выделяет персидско-таджикскую литературу богатством ее древних баснословных повествований и старинных вымыслов, которые, как говорит он, «или мертвые предметы творения преимущественно пред другими наделяли душою и языком, или порождали такие, которые никогда не существовали в природе». По его словам, “Шахнаме” подобно великану

является при самом возрождении персидской поэзии. В ней он обнаруживает разительное сходство с “Илиадой” и “Одиссеей” Гомера.

Совмещение, своеобразное переплетение прямых творческих воздействий Востока и влияние художественной ориенталистики Запада – таков с самого начала один из важнейших признаков возникновения и развития ориентальной темы в русской периодике.

Контрольные вопросы:

1. Значение «Азиатского вестника» как специального журнала, посвященного Востоку.
2. Статья И.Ботьянова «Взгляд на древнее и нынешнее состояние Словесности и Искусства в Персии», опубликованная в «Азиатском вестнике».
3. Статья «О языке Персидском и Словесности» (1815), опубликованная в журнале «Вестник Европы».
4. Статья Д.П.Ознобишина-Делибюрадера «О духе поэзии восточных народов», опубликованная в журнале «Сын Отечества».

Литература:

1. Азиатский вестник. – СПб., 1825, кн. 8, С. 82-83.
2. Ботьянов И. Взгляд на древнее и нынешнее состояние словесности и искусства в Персии. //Азиатский вестник, 1826, кн.8, С. 45.
3. Вестник Европы. – М., 1825, № 19.
4. Делибюрадер-Ознобишин Д.П. О духе поэзии восточных народов. //Сын Отечества, 1828, ч.107, № 8, С.365.
5. Журден А. О языке Персидской словесности. // Вестник Европы. СПб., № 10/ - С. 92-99; №11. – С.173-179; № 12.- с.257-270.
6. Мавлана Джами. Поэт Персидский.//Азиатский вестник, 1825, кн.5, С. 45.
7. Уваров С.С. Мысли о заведении в России Академии Азиатской. // Вестник Европы, 1811, ч.55, № 1. – С.32-33.

РАЗДЕЛ II

ВОСТОК В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА

ТЕМА 1. РУССКИЙ РОМАНТИЗМ И ВОСТОК

План:

1. Ориентализм как типологическая черта русской романтической поэзии первой трети XIX века.
2. Восток в романтической теории и программных статьях:
 - Василий Андреевича Жуковского
 - Александр Александровича Бестужева-Марлинского
 - Вильгельм Карловича Кюхельбекера

Романтизм и ориентализм стилистически оказались неразрывно связаны друг с другом, и это их взаимопроникновение и взаимовлияние представляется нам важнейшей типологической чертой всей русской поэзии первой трети XIX века. В этот период в русской поэзии шел как бы двуединый процесс: становление русского романтического стиля в целом, одной из равноправных составляющих которого становилось «восточное».

У системного начала связей русской литературы с другими культурами стоят романтики, обратившиеся к художественному изображению исторической жизни многих народов, к их поэтическому народному и литературному творчеству. В эпоху Просвещения наметилась, быть может, постановка вопроса, переложение с европейской литературы отдельных произведений, но в научном плане вопросы о месте и значении Востока в развитии русской литературы нового времени рассматривались в программных статьях романтиков: О.М.Сомова, В. К. Кюхельбекера, А.А.Бестужева. Они создали свою теоретико-эстетическую программу, где проблема Востока играла особую, чрезвычайно важную роль, оказываясь связанной с целым рядом не только эстетических, но и общественно-политических вопросов. Восток был для романтиков частью идеального «естественного» мира, противопоставленный миру цивилизованному, враждебному человеческой личности. Не случайно Кюхельбекер, размышляя о судьбе А. Грибоедова,

записывает в своем дневнике с том, что Грибоедов «В Москве и Петербурге часто тосковал по кочевьях в горах Кавказских и равнинах Ирана, где посреди людей, более близких к природе, чуждых европейского жеманства, чувствовал себя счастливым» (2.118).

Для многих романтиков Восток как сложный комплекс философских, нравственных, художественных воззрений был не просто идеалом искусства свободного от классических канонов, он был тем высоким образцом, которому нужно следовать. Согласно романтической теории, восточное искусство - это своего рода "прародина" европейского романтизма, художественная система, во многом определившая особенности, как содержания, так и формы романтической поэзии.

Даже "антиромантик" Н.Надеждин считал "таинственный рай Востока колыбелью древнего человечества, а неисповедимое богатстве поэзии, рассыпанное в исполинских видениях браминов и в лирическом эпосе "Зенд-Авесты" - проявлением первобытного гения человечества, ознаменованного печатью безмерного, изумительного величия» (8. 245).

Можно выделить два периода в восприятии русской романтической школой XIX в. восточной литературы: первый период 1820-е (1814-1825) гг., а второй - 1830-е (1826-1841). Первый период - эпоха, когда русская литература от условного романтического описания жизни "чужеземных народов" переходит к воспроизведению национальной действительности мира человека и человеческих отношений. О.Сомов, А.Бестужев, П.Вяземский высоко оценивая восточное искусство, призывали обратиться к восточным поверьям, легендам, мифам и эпосу. И если для представителей нового этапа высшим моментом национального развития было освоение национального опыта, а для Жуковского "подражание" и "присвоение", - конечным моментом творчества, то во второй период развития романтизма, в частности, для Кюхельбекера последнее означало лишь первоначальный этап, отправной пункт в движении национальной литературы.

Василий Андреевич Жуковский (1783-1852) явился одним из первых, кто в главных чертах своего мировоззрения и творчества - романтик. Известно, что более 20-ти лет (1810- 1830) для Жуковского подлинным властителем его дум становится Гердер. Этому объективно способствовал тот факт, что гердеровская позиция находилась в наиболее тесной, диалектической взаимосвязи с новым все более прочно утверждающимся методом романтизма. Принципиальный отказ Гердера признать античное общество единственной "колыбелью" искусства, его обращение к изучению культуры Востока, имело исключительное значение для развития всей последующей литературы. В.А.Жуковский многократно обращаясь к гердеровским работам, и особенно "Голосам народов" находит в восточной поэзии темы и мотивы, созвучные своему воспитаннику, наследнику престола. Нравственность в политике, взаимоотношения правителя и народа, противостояние человека неблагоприятным внешним влияниям, обусловленность его поведения духом времени - вот вопросы, ответ на которые Жуковский искал в опыте человечества. В описанной В.В.Лобановым библиотеке В. А. Жуковского мы находим названия книг Рюккерта о макомах Хамиди; «Наль и Дамаянти», "Рустам и Сухраб"(6). Известно, что после поездки в Германию (1820-1822), бесед с Гете, углубленного знакомства с работами немецких романтиков братьев Шлегелей, Шиллера, Рихтера, Жуковский еще глубже погрузился в мир восточной поэзии. В 1834 году Жуковский перевел с немецкого на русский язык эпизод индийской поэмы "Махабхарата". Это была "Наль и Дамаянти", исполненная гекзаметром.

В самом художественном творчестве Жуковского нарастают эпические тенденции, что проявляется, в частности, в обращении к изображению героической личности, принадлежащей определенной эпохе, вступающей в конфликт с внешними, национально-конкретными обстоятельствами, отстаивавшей не только личную честь, но и интересы родины и народа. Отсюда, несомненно, и обращение Жуковского к героическому эпосу к персидско-таджикской литературы – «Шахнаме» Фирдоуси. Как мифо-

историческое произведение, собравшее народные сказания и историю в одну поэтическую рамку, придающему целому художественное единство, поэма была близка романтическому миросозерцанию Жуковского. Перевод-переложение отрывка «Рустам и Сухраб» из "Шахнаме" Жуковского, принадлежит к лучшим произведениям русской поэзии рассматриваемого периода. Перевод необыкновенно точен и богат эмоциональной выразительностью, и в стилистическом отношении ничем не отличающийся от оригинальных произведений самого Жуковского, ибо в нем был осуществлен эстетический синтез русской духовной поэтической культуры с культурной традицией восточной литературы.

Александр Александрович Бестужев-Марлинский (1797-1837) владел персидским, азербайджанским, армянским языками. «Что касается меня, - писал Бестужев 14 марта 1831 года, - я принялся за татарский: доберусь и до Хафиза» (1). Поэзия Фирдоуси, Саади. Хафиза оказалась созвучной идейно-художественному содержанию творчества романтика.

Крымский и кавказский пейзаж, как известно, — один из наиболее распространенных традиционных «сюжетов» русской ориенталистики. В годы кавказской жизни (1829-1837) творчество Бестужева получило новый, ещё небывалый размах. Для романтика на передний план в художественном познании истории народа выдвигаются вопросы нравственные, связанные с изучением национальных обычаев, навыков, верований народа, традиций. Это весьма заметно в Кавказских повестях Бестужева, в которых писатель стремился слить добытый им местный колорит с характером героев произведений. Наибольшим достижением в этом отношении явилась последняя повесть Бестужева «Мулла-Нур». Местный колорит, фольклор являются замечательным средством психологизации многих героев (Искандер-бек, Гаджа-Юсуф) Бестужева. Произведение "Мулла-Нур" начинается большим эпиграфом из азербайджанской народной сказки. Много прелестных азербайджанских песен, припевов, поговорок и пословиц вкрапляет рукой Бестужев в свою повесть. Здесь же имеется чудесный перевод одного из

стихотворений Хафиза. Он великолепно изображает народные поверья о безбожии, мусульманскую религиозную мистерию. Бестужев останавливается на таких характерных деталях: «Коран запрещает выставлять имена и достоинства на гробовой плите, - замечает в своей повести Бестужев. – «Недостойно правоверного – это тщеславие, - говорит Магомет. – Прохожий в свет Эдема, не пиши своего имени на грязных сиенах караван-сарая, для потехи любопытных. К чему имя теперь? Твоё тело прах, а прах безымянен. Душу кликнет Аллах на суд не по званию, а по делам». Какая высокая философия! И точно, вы не встретите мусульманских гробниц с формулярным списком. Простые, трогательные слова украшают их. Молите за душу раба Омара или Нур-Али; потом стих из Корана и более ничего». Писатель стремится к синтезу эпического, лирического и драматического начал в произведении.

В статье-рецензии на роман Н.Полевого "Клятва при гробе господнем" (1833), Бестужев пишет: " Сколько раз я уносился одной музыкой стихотворений его (Фирдоуси - А. Д). Восточная поэзия - чувственность и греза", "мил гуляка Гафиз (Хафиз - А.Д.), трогателен мудрец Саади, Фирдоуси - о, это водопад Державина"(1).

Россия, по мнению Бестужева занимает как бы срединное положение между двумя культурами! «Двуличный Янус, Русь глядела вдруг на Азию и Европу; быт ее составлял звено между оседлою действительностью Запада и бродячей ленью Востока. От того, какое разнообразие влияний и отношений! Мавры, - писал далее критик, - ворвались в Испанию и принесли с собой Восток, во всей изящности поэзия, архитектуры и наездничества. Роскошь выражений, новшества стили чудно привились к европейскому романтизму. Мавр ввел, в моде узорчя, блески, благовония, засечку, и скоро их калейдоскопическая пестрота отразилась на всей поэзии Юга и Запада, а крестовые походы сделали ее еще общее"(1.577).

Одним из наиболее ранних провозвестников романтической теории, является **Вильгельм Карлович Кюхельбекер** (1798-1846). Интерес к Востоку и его

литературе Кюхельбекер проявлял еще в свои лицейские годы, будучи убежденным, в том, что необходимо изучать памятник народного творчества Востока как важный источник, обновления национальной культуры и поэзии. В лицейском "Словаре" - записях философского, морального эстетического характера - среди имен Сенеки, Эпиктета, Эпикура, Плутарха мы встречаем имена Саади и Зороастра. Здесь же был помещен перевод стихотворной вставки из предисловия к «Гулистану» Саади: "Амбра ли ты? - спросил я у куска глины, который я поднял в купальне. - Нет, я не что иное, как простая глина, но обитала несколько времени между розами..." (ГБЛ, ф.449. ед.хр.13). Ко времени лица относятся и прозаические переводы Саади и Хафиза, выполненные с французского и немецкого. Его внимание привлекла притча о дождевой капле из "Бустана" Саади. Эта знаменитая притча о капле воды, которая благодаря скромности и смирению превратилась в жемчужину. Моральный смысл, заложенный в ней и облеченный в блестяще парадоксальную форму, совпал с требованиями умеренности и скромности, ставшими актуальными в эпоху Просвещения. Недаром к этой притче обращались и Д. Аддисон, Вольтер, Гердер и Гете. Известно, что в 1820 году, путешествуя по Германии, Кюхельбекер посетил Веймар, где лично познакомился с Гете. Отзвук бесед о восточных классиках слышится в записке Кюхельбекера к Гете "Если я ищу запечатлеть в моем сердце черты моего учителя, того, кому я столь многим обязан в воспитании моей души, то у меня, без сомнения, чистая, благородная цель. Саади говорит, что "горсть глины приобрела благоухание роз оттого, что была соседкой розе" (5).

В рукописном наследии Кюхельбекера сохранились следы его работы над вышедшим в 1819 году сборнике Гете "Западно-восточный диван". В 1825 году Кюхельбекер составил подробный конспект исторических данных об арабской и персидской поэзии на основе статей "Западно-восточного дивана". Конспект содержит характеристики классиков персидско-таджикской литературы: Фирдоуси, Анвари, Руми, Саади, Хафиза, Джами, Низами. Кроме того, в нем есть заметки и статьи для лучшего понимания "Западно-восточного

дивана". У немецкого классика Кюхельбекер перенял саму идею западно-восточного синтеза и мировой литературы, вершинами которой для него были Гомер, Фирдоуси, Шекспир. Об удивительной способности Гете художественно перевоплощаться как одном из способов воссоздания инонационального характера, русский критик рассуждал так: "С дивной легкостью Гете переносится из века в век, из одной части света в другую... в "Ифигении он грек; древний тефтон в «Вальпургиевской ночи»; поклонник Браммы в "Мзоде" и "Баядере"; в «Ливане», сколько возможно европейцу, никогда не бывавшему в Азии – персиянин» (2)

В 1820-е годы Кюхельбекер разрабатывает свою концепцию западно-восточного синтеза, которая отразилась в его «Русском Декамероне» (1831). По его убеждению, древняя восточная традиция не умирает, а становится частью современной культуры. История и культура всего человечества представляют единый поток, в котором сосуществуют традиции Библии, Гомера, Фирдоуси, Шекспира. Кюхельбекер в равном ряду с европейскими мастерами слова называет восточных поэтов. "При основательнейших познаниях, и большем, нежели теперь, трудолюбии наших писателей Россия по самому своему географическому положению могла бы присвоить себе все сокровища ума Европы и Азии. Фирдоуси, Хафиз, Саади, Джами ждут русских читателей» (3) - заключает автор.

«Прочел я "Еруслана Лазаревича". В этой сказке, точно есть отголоски из «Шахнаме», ослепление царя Картауса (у Фирдоуси царь называется Кавусом - А.Д.) и его богатырей и бой отца с сыном, очевидно, перешли в русскую сказку из персидской поэмы. Сверх того, издатель, кажется, изволили кое-где переправить слог, а может быть, и самое повествование русского красноречия. Хотелось бы мне послушать Еруслана Лазаревича в живом, устном рассказе простолюдина, в приволжских губерниях; почти уверен, что тут я бы навел еще более следов азиатского происхождения этой сказки» (2) - писал Кюхельбекер в 1831 году в своем дневнике. Сказка «История о сданном и сильном витязе Еруслане Лазаревиче» пришла на Русь в XVIII веке, в

настоящее время считается установленным, что на основе этой сказки лежит тюркская переделка некоторых эпизодов из походов иранского богатыря Рустама. В частности, бой отца с сыном напоминает эпизод, входящий в эпопею сказания "Рустаме и Сухробе».

В историко-литературной концепции Кюхельбекера теоретически обоснована необходимость широкого освоения мирового опыта и создания на этой основе гражданской самобытной русской литературы. И это было одной из задач, поставленных романтиками в виде крупнейшей проблемы века.

Отношение к Востоку не как к далекому, малознакомому, а потому экзотическому миру, а как к одной из равноправных составляющих окружающей поэта живой, реальной действительности — такова важнейшая особенность русской романтической концепции Востока — и такова исходная посылка его художественного изображения в русской ориенталистике.

Контрольные вопросы:

1. Проблема «Восток-Запад-Россия» в русском романтизме
2. Значение переводов-переложений В. А. Жуковского в развитии русско-восточных литературных взаимосвязей.
3. Проблема «Восток-Запад» в творчестве А. А. Бестужева-Марлинского.
4. Восток в творчестве В. К. Кюхельбекера.

Литература:

1. Бестужев-Марлинский А. А. Сочинение в 2 томах, т 2, - С.577.
2. Кюхельбекер В. К. Путешествие. Статьи. – Л.: «Наука» - 1979. – С.466.
3. Кюхельбекер В. К. О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие// Мнемозина, 1824 год, ч. 2.
5. Литературно-критические работы декабристов. М., 1978, - С.100 .
6. Литературное наследство. М. 1932, кн. 4, 382 с.
7. Лобанов В.В. Библиотека В. Жуковского. Описание: Томск. 1981, - С. 416.
8. Московский телеграф. 1828 год, ч. 20, № 5, - С.27.
9. Надеждин Н. И. «О современном направлении изящных искусств» //Русские эстетические трактаты XIX века. М., 1974 год, т. 11, - С.245.

ТЕМА 2. ВОСПРИЯТИЕ И ОСМЫСЛЕНИЕ ВОСТОКА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ XIX ВЕКА

План:

1. **Виссарион Григорьевич Белинский и Восток.**
2. **Николай Гаврилович Чернышевский и Восток.**
3. **Дмитрий Иванович Писарев и Восток.**

Восток занимает большое место в критике Герцена, Белинского, Чернышевского и Добролюбова. Ратуя за социальное преобразование России, за освоение опыта революционной борьбы народов Запада, они одновременно отстаивают взгляд на Восток как на колыбель человеческой культуры. Известные исторические условия, утверждают они, были причиной того, что народы Азии и Африки долго находились в стороне от мирового прогресса. Но восточному застою и отчуждению приходит конец. Историческая будущность восточных народов — не в господстве могущественных деспотических империй, а в уничтожении насилия, в осознании народами своего права на независимость, в пробуждении всех здоровых и жизнедеятельных сил Азии и Африки.

Виссарион Григорьевич Белинский (1811 - 1878) - теоретик и критик, проявлял интерес к Востоку, восточной словесности, связям с ней русской литературы. Раннему формированию концепции Востока содействовала возникшая еще в университетские годы дружба Белинского с П.Я.Петровым (1871-1875), ставшим впоследствии выдающимся русским ориенталистом и переводчиком персидско-таджикской классической литературы. Сохранилось 11 писем Петрова к Белинскому (1834-1841), в которых он систематически сообщает своему другу новости востоковедческой среды, делится своими впечатлениями и наблюдениями, включая соображения по восточным литературам. Дважды рецензируя "Тысячу и одну ночь" в 1839 и 1842 гг., Белинский главным образом, ценит в переводе арабских сказок сохранение национального духа: «Арабские сказки» - суть полнейшее выражение национального духа и общественности

важнейшего из мухамеданских народов, некогда игравшего в мире такую великую роль». В статье "Римские элегии"(1841), опубликованной в "Отечественных записках", критик утверждает, что восточная литература самобытна, выражает жизнь общества, которому принадлежит.

Любая национальная культура не только имеет право на существование, но и вносит свой вклад в развитии всемирно-исторического литературного процесса. Мысль эта не лежит на поверхности суждений В. Г. Белинского о сущности межнациональных культурных взаимосвязей, она неизбежно вытекает из его концепции национального своеобразия литератур. «Отнюдь не должно быть персианином, чтобы, начитавшись Гафиза, писать в духе персидской поэзии. В поэзии всякого народа отражается природа (местность) и дух (национальность) страны. Обаяние персидской поэзии не только может быть доступно для жителей северных стран, но еще по закону противоположности сильнее действовать на него, чем на природного персиянина. То, что составляет поэзию персидской жизни - не что-нибудь случайное, а необходимое, и потому разумный момент исторического развития» (1).

Белинский еще в 30-40- в годы XIX века верно предугадал одну из основных линий развития русской литературы, то, что называется современным литературоведческим термином "западно-восточный синтез" и берет истоки в творчестве Пушкина, и определено Белинским как "протеизм", воспринимающийся им как проявление народности русской литературы, ее национальной самобытности. Умение отобразить уже не только "картины внутренней жизни" своего народа, но и "природу и нравы" народов иных, сохраняя при этом взгляд на мир "своей национальной стихии" - таково, определение Белинского, свойство подлинно национального поэта, каким и являлся Пушкин.

В своих статьях о Пушкине Белинский неоднократно подчеркивает синтез в пушкинской поэзии метафоричности, романтического лиризма, повышенной условности образов, то, чему обязана пушкинская поэтика

восточной поэзии. Свое отношение к восточному миру критик выражает в оценке прозы Пушкина " Кавказский пленник " и " Бахчисарайский фонтан ". С точки зрения критика произведения А. С. Пушкина, в которых он с большей художественной силой рассказывает о жизни восточных народов, значительны не только для развития литературы, но и для взаимообогащения народов между собой.

Николай Гаврилович Чернышевский (1828-1869), выдающийся критик, чья внутренняя последовательность собственной демократической мысли создала совершенно новую концепцию Востока и ее культуры в русской критике первой половины XIX века, концепцию, существенно расширившую представление о восточной литературе на основе реалистических историко-литературных критериев. Критик уделял большое внимание восточной тематике в редактировавшемся им «Военном сборнике» (1859). Отвергая противопоставление Запада Востоку, доказывал, что «у каждого народа, живущего в Азии или в Европе есть своя национальная культура», с которой не только необходимо считаться, но и внимательно изучать и взаимообогащаться.

Известно, что будучи студентом Чернышевский брал уроки персидского языка у ориенталиста Казем-бека. Критик сожалел, что русской литературе, его читателям еще очень мало известны переводы восточной поэзии, и всегда искренне радовался появлению каждой новой книги о восточных народах. У Чернышевского было намерение включить в свое произведение "Повесть в повести" (1853-1864) какие-то сюжеты из "Шахнаме". Чернышевскому была очень дорога и духовно близка идея братства народов, заложенная в гениальной поэме Фирдоуси. Почти в каждом томе Полного собрания сочинений Чернышевского можно найти упоминания критика о Фирдоуси - гении Востока. Выявляя причину бессмертия "Шахнаме", Чернышевский писал, что "главная сила и Мильтона, и Шекспира, и Бокаччо, и Данте, и Фирдоуси, и всех других первостепенных поэтов состояла в том, что они были компиляторы народных преданий, т.е. истоками их поэзии было

народное творчество". Критик восхищался женскими образами поэмы Фирдоуси, особенно он был очарован образом Гурдоферид. В представлении русского критика «Гурдоферид цветет здоровьем, только Зораб во всем Туранском войске может выдержать поединок с нею, когда она надевает шлее: если рука ее слабее Хеджира, ее сердце тверже, ее взор смелее, ее движения быстрее, ее удары вернее, и она – первая защитница Ирана. Но у самого Шекспира нет лица более прелестного. Дездемона и сама Джульетта далеко уступают ей дивною нежною пре лостью» (3). Образ Гурдоферид лег в основу "Сказки о Деборе Девине" Чернышевского. Современники Чернышевского отметили, как критик доказывал, что "Шахнаме" по содержанию выше Гомера.

Дмитрий Иванович Писарев (1840-1866), по праву считается, после Чернышевского, великим русским критиком-шестидесятником. В своих статьях Писарев не раз указывал на тех писателей, без знакомства с творчеством которых, "останутся непонятными настоятельные потребности и накопившиеся со всех сторон задачи нашей собственной мысли". Среди имен Шекспира, Байрона, Гете. Шиллера, Гейне. Мольера. Пушкина, звучат имена Саади и Хафиза. Сам Писарев в ответ за обвинение со стороны его противников в нигилистическом отношении, к литературному наследию заявлял: "Я отношусь с глубоким и. совершенно искренним уважением к первоклассным поэтам всех времен, веков и народов". Знакомству с замечательными произведениями, наследия Востока Писарев отводил важное место. Говоря об изучении иностранных языков в университете, Писарев писал (1863): "Если каждому образованному человеку необходимо прочитать в подлиннике Гомера и Тацита, то я не вижу, почему не было бы необходимости читать Саади и Гафиза в персидском подлиннике, Махабхарату и Сакунталу в санскритском, сочинения Конфуция в китайском, Коран в арабском и т.д. Наверное, в каждом языке можно было бы найти такие красоты, которые утрачиваются или по крайней мере бледнеют в переводе"(2).

Рассмотренный нами небольшой круг вопросов показывает уважительное отношение русской критики к национальному достоинству восточных народов и их культуре. Отвергая "европоцентристское" противопоставление Запада Востоку, русские критики доказывали, что у каждого народа, живущего в Азии или Европе, есть своя национальная культура, с которой необходимо считаться и внимательно изучать. Произведения Пушкина, Лермонтова, Грибоедова и некоторых других авторов, в которых они с большой художественностью рассказывают о жизни восточных народов, значительны не только для развития литературы, но и для взаимообщения народов между собой, а следовательно и для взаимопонимания.

Контрольные вопросы:

1. Концепция Востока в творчестве В.Г. Белинского.
2. В.Г.Белинский о «протеизме» творчества Пушкина.
3. Николай Гаврилович Чернышевский и «Шахнаме» Фирдоуси.
4. Дмитрий Иванович Писарев о проблеме литературных взаимосвязей.

Литература:

1. Белинский. Полн. Собр. Сочинений в 13-ти томах. М. АН СССР 1953-1959, т. 2, 157 с.
2. Писарев Д. И. Сочинения в 4-х томах. М. Гослитиздат, 1955-1956 год, т. 3 57 с.
3. Чернышевский, Полн. Собр. Сочинений в 16-ти томах. М. Гослитиздат, 1939-1953, т. 2, 517 с.

ТЕМА 3. ПУШКИН И ВОСТОК

План:

1. Предпосылки появления восточных мотивов в творчестве Пушкина.
2. Восточная тема в творчестве А.С. Пушкина.
3. Западно-восточный синтез в творчестве Пушкина.

Проблема "Пушкин и Восток", начиная с конца XIX века, привлекала пристальное внимание литературоведов России и других государств. В освещении этой проблемы русскими учеными изданы десятки монографических исследований и отдельных статей, в которых в той или иной степени рассматриваются различные аспекты этой очень большой, сложной и весьма важной литературоведческой проблемы (4). Многие авторы работ о творчестве Пушкина, такие как И.С. Брагинский, Ю.Н. Тынянов, Б. Мейлах, Б.В. Томашевский и др. сходятся во мнении о том, что поэт в совершенстве знал арабскую и персидскую литературу, внимательно изучал библейские сказания. Пушкина интересовали не только книги древнего и средневекового Востока, но и поэтика их произведений, древняя мифология и религия мусульман.

Александр Сергеевич Пушкин (1799-1837) высказал много ценнейших суждений о Востоке. Его внимание притягивали литературные жанры и особенности стиля восточных поэтов, традиции, обычаи и нравы, запечатленные в поэзии и прозе, романтический пафос изображения.

Факты свидетельствуют о том, что интерес Пушкина к Востоку пробудился рано и имел первоначально биографические предпосылки: прадед поэта, Абрам Петрович Ганнибал, был выходцем из Северной Эфиопии, принадлежал к знатному роду. Отроческие представления о Востоке возникали во многом под влиянием чтения: восточных повестей и драм Вольтера, «Персидских писем» Монтескье, «Волшебных сказок» Антуана Гамильтона. Уже в лицейские годы Пушкин знакомится с арабскими сказками "Тысяча и одна ночь", в вольном французском переводе А. Голлана. Пушкин читал произведения русских писателей на восточные темы: трагедию Ломоносова «Тамира и Селим», сатирическую повесть Крылова «Каиб», писателей И.К. Крылова, П.Я. Чаадаева. Знакомство с

Кораном - во французском переложении и в русском переводе М.И. Веревкина - и многое другое - все вместе взятые во многом способствовали приобщению Пушкина к культуре Востока, формированию его собственного отношения к ней и народам Азиатского континента. Этот интерес постепенно рос и углублялся. В 20-е годы восточная тема получает в творчестве Пушкина качественно новое, романтическое воплощение. Поэт-романтик обращается к этой теме в разных жанрах – и в лирике и в поэмах. Восточные произведения Пушкина возникают и в результате непосредственных впечатлений поэта от посещения Кавказа и Крыма, рассказов знатоков тех мест и чтения Байрона.

Любопытен следующий факт: Пушкин вместе с Жуковским пришли осенью 1834 года слушать в Петербургском университете лекцию **Н.В.Гоголя**, который увлекательно говорил о средневековом Востоке и ее культуре. Описав "Восточные мотивы" в русской литературе XIX века нельзя не выразить удивления и восхищения знаменитыми "арабесками", едва ли не самого русского писателя Николая Гоголя, написавшего бессмертные "Мертвые души". Гоголь воздаст должное великим достижениям Востока, арабам, не побоявшимся смешения различных стилей, доставшихся этой части земли от разных народов - "об архитектуре аравитян", "необыкновенное смешение архитектур", "смелое, дерзкое... с прекрасной роскошью". "Они заимствовали от природы все то, что есть в ней верх прекраснейшего". Возможно, Н. Гоголь искал в этом несколько фантастическом образе образец государственного правления, которого давно ждала Россия.

По всей, видимости, лекции Гоголя имели прямое: отношение к эго беседам с А.С.Пушкиным, указавшим на те же - восточные истоки европейского романтизма: "Два обстоятельства имели решительное действие на дух европейской поэзии: нашествие мавров и крестовые походы. Мавры внушили ей исступление и нежность любви, приверженность к чудесному и роскошное красноречие Востока; рыцари сообщили свою набожность и

простодушные, свои понятия о геройстве и вольности нравов походных станов Годфреда и Ричарда. Таково было смиренное начало романтической поэзии"(З, XI, 37) - так писал Пушкин в своем знаменитом неоконченном наброске "О поэзии классической и романтической".

Из биографии Пушкина известно, что поэт был знаком с ориенталистом С.И. Сенковским. В знаменитом "Письме к издателю", он подчеркнул, что показаниям Сенковского "касательно Востока мы должны верить". Когда в альманахе декабристов "Полярная звезда" (1324) появилась арабская касыда Сенковского "Витязь буланого коня", Пушкин написал редактору альманаха А.А.Бестужеву, что "арабская сказка прелесть" и посоветовал ему "держаться за ворот автора сказки" (З, IX, 87).

Материалы Пушкинской библиотеки, описанные Б. Л. Модзалевским, интересны тем, что в ней имелся французский перевод четырехтомного труда Джона Малькольма "История Персии" (Париж, 1821) - английского ученого и дипломата, долгое время занимавшего пост британского посланника в Тегеране. В библиотеке поэта находилась два сборника стихов Саади во французских переводах. Письма и отзывы современников, документы тех лет убеждают нас в том, что А.С.Пушкину уже в ту пору были известны отдельные стихотворения Саади, произведения Хафиза, Фирдоуси и некоторых других, знаменитых персидско-таджикских лириков. По его собственному признанию, только благодаря строкам Саади, взятым в качестве эпиграфа, поэма "Бахчисарайский фонтан" получила свое окончательное название. Пушкин восхищался своим эпиграфом в письме к П. А. Вяземскому (1824). Отрицая всю поэму, он сказал, что "эпиграф ее прелесть" (З, X, 30). В том же письме Пушкина к П.Вяземскому четко сформулировано отношение поэта к "восточному": "Слог восточный был для меня образцом, сколько возможно нам, благоразумным, холодным европейцам"(З, X, 107). Эпиграф этот, являющийся вольным переложением стиха из "Буста́на", как выяснено К.И.Чайкиным, заимствован из романа

"Лалла Рук" Томаса Мура. Пушкину эпиграф настолько понравился, что он повторил его в "Евгении Онегине": "Иных уж нет, а те далече, как Саади некогда сказал", а также в варианте стихотворения "На холмах Грузии": "Иные далеко, иных уж в мире нет". О популярности Саади в литературной среде России пушкинской эпохи можно судить по тому, что после выхода «Бахчисарайского фонтана» небезызвестный князь Шаликов со свойственной ему восторженностью именовал Пушкина «нашим юным Саади!», а о самой поэме отзывался в восточно-риторическом духе: "Это фонтан, бьющий розовой водой, которая разливает благоухание в чистой атмосфере прелестного Востока".

Знакомство с творчеством Саади и других восточных поэтов, привело к появлению многочисленных ориентальных стихотворений. Сопоставление стихотворения «Памятник» Пушкина с «Завещание» Саади, составляющих одно из звеньев в ряду завещаний великих поэтов своим потомкам, дает возможность говорить о некотором их созвучии. Тема творчества и тема праха, смерти поэта и бессмертия его поэзии приобретает у Пушкина близкое к Саади звучание, воплощаясь в удивительно точной и сжатой поэтической формуле: «Душа в заветной лире мой прах переживет». Для Саади, как и для Пушкина, существенна тема непреходящего эстетического значения творчества.

О стиле своей работы над восточной тематикой Пушкин писал: "Европеец и в упоении восточной роскошью должен сохранить вкус и взор европейца".(З, ХУ, 107). Уже в первый период своего творчества (1817-1820) Пушкин глубоко вникает в национальную сущность культур других народов и, пытается создать такой поэтический сплав, такое художественное произведение, которое, являясь чисто русским, национальным по духу и содержанию, было бы в то же время носителем общечеловеческих идей, близких и понятных всем людям мира. Так появляется цикл стихов Пушкина, в которых, по определению И.С. Брагинского, восточные мотивы органически соединились западными. К этому циклу отнесены

стихотворения: "Друзьям", "Нет, я не льстец", "Поэт и толпа", "Поэту" и "Пророк", "Вертоград моей сестры...", "Во мне горит огонь желанья", "Песнь песней", "О, дева роза, я в оковах...", "Фонтану Бахчисарайского дворца", "Соловей и роза", "Из Гафиза", "Стамбул, гяуры нынче славят..."; стихи о Кавказе: "На холмах Грузии лежит ночная мгла...", "Кавказ", "Обвал", "Монастырь на Казбеке".

Пушкин считал Восток колыбелью романтического искусства и не случайно именно на юге (1820-1824) были созданы им произведения, содержащие восточные мотивы: "Погасло дневное светило..." (1820), "Я видел Азии бесплодные пределы" (1820), "Свободы сеятель пустынный..." (1821), "Десятая заповедь" (1821), "Зачем ты послан был и кто тебя послал...?" (1824), а также в поэмы "Кавказский пленник" (1821-1821), "Бахчисарайский фонтан" (1821-1823), "Гавриилиада" (1821), "Руслан и Людмила" (1820).

Гениальная интуиция, "перевосплащаемость" Пушкина сказались в углубленном изучении религии мусульман, образа пророка Мухаммеда и его божественного творения – Коран. "Я тружусь во славу Корана...» (3, XI,37) – пишет Пушкин к брату из Тригорского в Петербург. В Михайловском (1824) поэт приступил к созданию цикла «Подражание Корану».

Об исламе и религиозно-законодательном кодексе арабов, Коране, юноша Пушкин слышал на лекциях профессора истории И. К. Кайданова. Вероятно, тогда же, в лицейскую пору, он впервые познакомился с Кораном и впоследствии не раз возвращался к нему. В незавершенном стихотворении 1825 года сохранилось признание поэта, что он читал Коран «в день гоненья», т. е. перед высылкой из Одессы летом 1824 года. Этот лирический отрывок близок некоторыми мотивами «Подражаниям Корану»:

В пещере тайной, в день гоненья,
Читал я сладостный Коран.. (3,II, 475)

Несомненно, Пушкин читал Коран (в переводе М. И. Веревкина) и в Михайловском, в момент создания «Подражаний». Свои «Подражания» поэт

справедливо называл «вольными». Даже буквально воспроизводя те или иные обороты подлинника, он не копировал его, а обогащал заимствованные темы и образы собственной интерпретацией.

Вслед за текстом девяти стихотворений, входящих в состав «Подражаний», Пушкин напечатал примечания к ним. Изучение этих примечаний, а также черновых вариантов цикла не оставляет сомнений в том, что Коран интересовал поэта не его религиозно-культовой, а общефилософской и нравственно-поэтической стороной, привлекал внимание как исторический памятник своеобразной художественной культуры. Поэт писал: "Коран - это плохая физика, но зато, какая смелая поэзия". (3, XIII, 249). Совершенно ясно, что в Коране Пушкина привлекает не его религиозное содержание, а прекрасный слог, ибо для него "слог восточный был образцом". Характерно, например, такое замечание Пушкина: «...многие нравственные истины изложены в Коране сильным и поэтическим образом» (3, XI, 358).

Пушкина особенно занимала личность самого Мухаммеда, которого он, как и его современники, считал автором Корана. В своем отзыве о Т. Муре Пушкин называет Мухаммеда рядом с такими поэтами, как Саади и Хафиз. В год создания «Подражаний Корану» Пушкин был, по свидетельству первого биографа поэта, «до того увлечен гиперболической поэзией произведения, что почел за долг распространять имя Магомета, как гениального художника, в литературных кругах. К. Ф. Рылеев недаром, умоляя Пушкина покинуть рабское служение Байрону... употребил в письме своем фразу: „хоть ради твоего любезного Магомета“».

Жизнь Мухаммеда интересовала Пушкина еще и потому, что многие ее эпизоды перекликались с привлекавшей поэта в 1824 году темой певца-изгнанника, гонимого людьми, властью. Ведь и сам Пушкин был в это время в ссылке, и мотив изгнания теперь постоянно звучал в его лирике. С образом Мухаммеда связаны сокровенные пушкинские мысли о назначении поэта, его общественном служении, облике государственного деятеля, а также ав-

тобиографические мотивы. В написанном в сентябре 1824 года послании к Языкову говорилось: «Всегда гоним, теперь в изгнании».

«Подражания Корану» — новый шаг к обогащению восточной темы в творчестве поэта. Небольшой стихотворный цикл особенно глубоко, хотя и в весьма обобщенной поэтической форме, запечатлевает черты мирозерцания, психологии, жизненного уклада средневекового Арабского Востока. На наш взгляд, в "Подражаниях Корану" для Пушкина главное - это отбор и обобщение нравственных ценностей в поучениях Востока.

Замысел «Подражаний» не ограничивается задачей стилизации, он связан с раздумьями Пушкина над собственной жизнью и событиями своей исторической эпохи. Но субъективно-лирическое начало органичнее слито с объективным философско-историческим содержанием, больше зависимо от него, чем в предшествующих романтических сочинениях. Восток в «Подражаниях Корану» понят и воссоздан художником-реалистом.

Таким образом, Пушкин явился одним из великих русских поэтов, которым восточная культура была воспринята особенно плодотворно, и воплощена в западно-восточном синтезе его творчества. Пушкинский Восток так глубоко вошел в сознание его современников, что их взаимодействие с ориентальной культурой выступает как явление опосредованное - оно было пропущено сквозь призму восприятия восточных произведений Пушкина, его ориентального интереса.

Контрольные вопросы:

1. Проблема "Пушкин и Восток" в литературоведении.
2. Предпосылки появления восточных мотивов в творчестве Пушкина
3. Пушкин и классик персидско-таджикской литературы Саади.
4. Цикла «Подражание Корану».

Литература:

1. Модзалевский Б. Л. Библиотека Пушкина. Библиографические описания. М. Книга, 1988 год, 276 с.

2. О средних веках. Вступительная лекция, читанная в Санкт-Петербургском университете Адъюнкт-профессором Н. Гоголем// Журнал Министерства Народного просвещения. 1834 год, 409 с.
3. Пушкин А. С. Полн. собр. сочинений в 17-ти томах. М.: АН СССР, 1937-1959 гг.
4. Черняев Н.И. "Пророк" Пушкина в связи с его же "Подражаниями Корану". М., 1898; Сиповский В. "Руслан и Людмила" (К литературной истории поэмы). В кн. "Пушкин и его современники"// - Материалы и исследования. Вып. IV. СПб. 1906; Томашевский Б.В. "Заметки о Пушкине". В кн. "Пушкин и его современники", вып. XXVН1, 1917; его же: "Пушкин", кн.1, -М, 1956; его же: "Пушкин", кн.2, (1824- 1837), - М., 1960; Эберман В. Арабы и персы . ' русской поэзии // Восток, кн. 3 М-П., 1923; Филоненко В.И. "Подражания Корану" Пушкин... Симферополь, 1928; Кашталева К.С. "Подражания Корану" и их первоисточник// Записки коллегии востоковедов, Т.V - Л., 1930; Свирин Н. Пушкин и Восток // Знамя, 1935, № 4; Гроссман Л.П. Пушкин. Серия ЖЗЛ, М., 1939; его же: Стиль и жанр поэмы "Руслан и Людмила". Уч.Зап. МГПИ им. Потемкина, т. XLV1Н, вып.5. - М., 1955;Фридман Н.В. Образ поэта-пророка в лирике Пушкина // Ученые записки МГУ, вып.118, кн.2.- М., 1946; его же: О романтизме Пушкина (К истории русского романтизма),- М., 1973. Маршак С. Заметки о сказках Пушкина. - М., 1956; Белкин Д.И. Тема зарубежного Востока в творчестве А.С. Пушкин // Народы Азии и Африки. -196S, № 4; его же: Концепция Востока в творчестве Пушкина. АКД, М., 1970; его же: Пушкинские строки о Персии.// Пушкин в странах зарубежного Востока,- 1979; его же: Пушкин и сказки "1001 ночи"// Звезда Востока - 1979, № 6; Брагинский И.С. Заметки о пушкинском западно-восточном синтезе// Проблемы востоковедения. М., 1974; Нольман М.Л. Западно-восточный синтез в произведениях А.С. Пушкина и его реалистическая основа// Народы Азии и Африки, № 4, 1967; Лобикова Н.М. Пушкин и Восток. - М., 1974; Ахматова А. О Пушкине. Статьи и заметки. - Л., 1977. Соловей Н.Я. Особенности использования мотивов Корана в "Подражаниях Корану" Пушкина. // Пушкин в странах зарубежного Востока. М., 1979. Макогоненко Г.П. Творчество Пушкина в 30-е годы (1833 - 1836) - Л, 1982; Мейлах В.С. Творчество А.С. Пушкина. Развитие художественной системы. М., 1984, Фомичов С.А. Поэзия Пушкина. Творческая эволюция Л.,1986; (список отнюдь не претендует на полноту и представляет выборочную десятую долю всего материала).

ТЕМА 4. ЛЕРМОНТОВ И ВОСТОК

План:

1. Предпосылки появления восточных мотивов в творчестве М.Ю.Лермонтова.
2. Проблема «Восток-Запад-Россия» в творчестве Лермонтова.
3. Тема Кавказа в поэзии Лермонтова.

Обращение **Михаила Юрьевича Лермонтова** (1814-1841) к восточной теме, несомненно, отражало возросшее в начале XIX века внимание европейской культуры, в том числе и русской, к Востоку. Не случайными были строки Лермонтова в письме С. А. Раевскому (1837): «Начал учиться по-татарски, язык, который здесь, и вообще в Азии, необходим, как французский в Европе — да жаль теперь не доучусь, а впоследствии могло бы пригодиться. Я уже составлял планы ехать в Мекку, в Персию и проч., теперь остается проситься в экспедицию в Хиву с Перовским»(5). План Лермонтова примкнуть к походу В. А. Перовского в Хиву (центр Хивинского ханства находился в низовьях Амударьи) остался неосуществленным, так же как его проекты поехать в Мекку и Тегеран. Подробные сведения о походе В. А. Перовского содержатся в обширном труде Л. П. Гроссмана (2, 673).

Невозможно раскрыть роль Востока в творчестве Михаила Юрьевича Лермонтова, не зная, какую роль играл Кавказ в его жизни. Кавказский край занимает исключительное место в жизни Лермонтова. За стихотворение на смерть Пушкина 25 февраля 1837 года, Лермонтов был отправлен прапорщиком в Нижегородский драгунский полк, действовавший на Кавказе. Находясь на военной службе на Кавказе, М.Ю. Лермонтов не расставался с записными книжками, заносил в них услышанные из уст повидавших на своем веку кавказцев отдельные сюжеты будущих своих произведений. Его интересует духовная жизнь Востока, с которой он соприкоснулся на Кавказе; в нескольких своих произведениях он касается проблем "восточного мирозерцания". На Кавказе он пишет целый ряд стихотворений: "Сон",

"Утес", "Они любили друг друга...", "Тамара", "Свиданье", "Листок", "Выхожу один я на дорогу...", "Морская царевна", "Пророк".

В конце 1837 г. Лермонтов возвращается в Россию, исполненный удивительных творческих замыслов: «Герой нашего времени», кавказская редакция «Демона», «Мцыри», «Беглец», «Ашик-Кериб», «Дары Терека», «Казачья колыбельная песня», «Тамара», «Свиданье», «Кинжал», «Прощание», «Хаджи Абрек», - все это стало результатом его скитаний по Северному Кавказу и Закавказью в 1837 году.

Тема Востока, образы восточной культуры сопровождали Лермонтова на всем протяжении его творчества. В этом сказались переплетение многих стимулов - от общей "ориентальной" ориентации европейского романтизма до обстоятельств личной биографии поэта и места "восточного вопроса" в политической жизни России 1830 - 1840-х гг. Однако в последние годы жизни поэта интерес этот приобрел очертания, которые теперь принято называть типологическими: Лермонтова начал интересовать тип культуры Запада и тип культуры Востока и, в связи с этим, характер человека той и другой культуры. Один из основных споров, которые вела русская общественность, — историческая роль России, ее отношение к Западу и Востоку. «Искание собственного исторического пути России, сравнение западноевропейской цивилизации с русской — такова одна линия тем, обсуждавшихся в «кружке шестнадцати», при этом установлено, что Лермонтов занимал особую позицию с его определенно выраженным интересом к Востоку. Но это стремление поэта на Восток совсем не совпадало с провозглашаемой славянофилами идеей — «свет с Востока». Интерес Лермонтова к Востоку как колыбели человечества, очевидно, связан с Библией, которая была для него источником сведений о Вавилоне, Египте и других странах. В одной из строф поэмы «Сашка» (1839), Лермонтов шуточно объясняет свое стремление к Востоку:

Не веря, я ищу, — я не пророк,
Хоть и стремлюсь душою на Восток,
Где свиньи и вино так ныне редки,
И где, как пишут, жили наши предки.(5)

За несколько месяцев до смерти он пишет балладу «Спор» - одно из высоких художественных достижений Лермонтова, обобщающую его размышления об исторической судьбе России, о Востоке и Западе. Само название многопланово. Прежде всего, это «Спор» двух горных вершин, Эльбруса и Казбека: об отношении России к Востоку и Западу. Лермонтовым Россия противопоставляется, и Западу и Востоку; она именуется «Севером» и выступает как Восток для Запада и Запад для Востока. Главное же отличие – возрастное: русская культура выступает как культура юная, только что вступившая на историческую сцену (характерно, что Лермонтов также связывает это пробуждение России к исторической жизни с 1812 годом). Восток и Запад, эти два потока мировой истории, сходятся в России, которая, призвана примирить их в себе.

Лермонтов разделял славянофильскую точку зрения, что и Восток, и Запад, эти узловые пункты исторического движения человечества, уже сказали свое слово, исполнили свою роль, и должны теперь отойти в тень перед новой могучей цивилизацией, зародившейся и окрепшей на Севере, в России. Но в отличие от славянофилов, преимущественно ученых и философов, он, как поэт, художник, воспринимал эту неизбежную и необратимую поступь истории не отвлеченно, а образно и драматически. Замечательны «географические» строки «Спора». Каждая страна — Грузия, Персия, Аравия, Египет — изображена точным цветовым определением. Конечно, Лермонтов был хорошо знаком с литературой о странах Востока и дал верное их описание. Но вызывает удивление необычайный дар — несколькими словами нарисовать каждую страну!

В строках о дремлющем Востоке Лермонтову удалось сказать о народной арабской поэзии бедуинов, которая осталась живой («И поет, считая звезды, Про дела отцов»). Многоцветная картина спящего Востока передана так, что в энергии строк, в словах «Спит, покой, ценья» таится возможность пробуждения.

«Спор» — единственное стихотворение Лермонтова, напечатанное в журнале «Москвитянин». Стихотворение написано в Москве во второй половине апреля 1841 г. На обороте листа, предшествующего автографу «Спора», в записной книжке Лермонтов написал слово «Восток». Очевидно, он хотел открыть этим стихотворением цикл стихов на эту тему — далее следуют «Тамара», «Свидание», «На бурке под тенью чинары...».

Мотив Востока звучит в прекрасных стихах Лермонтова "Вид гор из степей Кавказа", "Поэт", "Три пальмы", "Дары Терека" и т.д. Для поэта Восток, Ислам не враждебные понятия, а миг прекрасного, символ веры, озарение, образ жизни, повод для раздумья.

Коранические мотивы звучат в поэме «Демон». Любовный монолог из поэмы известный, как «Клятва Демона», стилистически, несомненно, связан с высокой риторикой и громовым глаголом Корана. Многие суры Корана начинаются словами клятвы, много пламенных клятв произнес Пророк, и много есть в великой Книге ислама мест, которым сродни лермонтовский стих. Например, первые стихи из суры «Гора»: «Клянусь Горой, Книгой, написанной на 92 свернутом свитке, Домом населенным. Сводом возвышенным, Морем взволнованным...» Или начало суры «Солнце»: «Клянусь Солнцем и его блеском, Луной, когда она следует около солнца, Днем, когда он является во всем блеске своем, Ночью, когда она закрывает его, Небом и Тем, кто возвел его. Землю и Тем, кто ковром простер ее, Душою и Тем, кто образовал ее. И тем, кто вдохнул в нее злобу и благочестие...»

Русская культура - Север - противостоит, и Западу и Востоку, но одновременно тесно с ними связана. С молодостью культурного типа Лермонтов связывает его гибкость, способность к восприятию чужого сознания и пониманию чужих обычаев. В повести "Бэла" рассказчик говорит:

"Меня невольно поразила способность русского человека применяться к обычаям тех народов, среди которых ему случается жить; не знаю, достойно порицания или похвалы это свойство ума, только оно доказывает невероятную его гибкость и присутствие этого ясного здравого смысла, который прощает зло везде, где видит его необходимость или невозможность его уничтожения" (5.УІ, 223).

Позиция Лермонтова в этом отношении ближе к Грибоедову и отчасти к Пушкину. Россия мыслится как третья, срединная сущность, расположенная между "старой" Европой и "старым" Востоком. Именно срединность ее культурного (а не только географического) положения позволяет России быть носительницей культурного синтеза, в котором должны слиться "европейская" жажда счастья и восточное стремление к "покою". Известен его разговор с А. А. Краевским о культуре народов Азии. «Зачем нам всем тянуться за Европой?.. Я многому научился у азиатов, — сказал он, — и мне бы хотелось проникнуть в таинство азиатского мирозерцания, зачатки которого и для самих азиатов и для нас еще мало понятны. Но поверь мне, там, на Востоке, — тайник богатых откровений»(5).

Видения Востока и мусульманские образы, герои Ислама органично соседствуют у него с христианским миром. Эти два мира (несмотря на ведущуюся в XIX веке войну на Кавказе) слились у него в поэзии, были неразрывны и нераздельны, естественны и органичны. Это и есть великое волшебство поэзии и литературы: политики, государственные деятели, полководцы сражались, проливали кровь, а слово, образ, легенда и быль в

художественном воплощении соединяли людей, страны, религии, находили достоинства в том, кого считали в тот период противником и врагом.

Именно в этом — специфически национально-русском — ощущении своей особой, связующей народы роли заложены основы интернационализма русской классической литературы, «протеизма» лучших ее представителей, ее знаменитой «всемирной отзывчивости», многозначно воплотившейся и в так называемом «западно-восточном художественном синтезе».

Контрольные вопросы:

5. Предпосылки появления восточных мотивов в творчестве Пушкина
6. Проблема «Восток-Запад-Россия» в балладе «Спор» Лермонтова.
7. Кавказская тема в творчестве Лермонтова.
8. В каких стихотворениях Лермонтова звучат восточные мотивы.

Литература:

1. Асмус В. Круг идей Лермонтова //Литературное наследство. - М., 1981, т. 43-44, с. 102-105;
2. Л. П. Гроссмана « Лермонтов и культура Востока» //Литературное наследство. - М., 1941. № 43—44. - С. 673 -744.
3. Егоров Б.Ф. Славянофилы и Лермонтов // Лермонтовская энциклопедия. М., 1981, с. 508-510.
4. Конрад Н.И. Запад и Восток. - М., 1972.
5. Лермонтов М.Ю. Сочинения, в 6-ти т., М.-Л., 1954-1957.
6. Ю.М. Лотман. Проблема Востока и Запада в творчестве позднего Лермонтова //Лермонтовский сборник. - Л., 1985.
7. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. М., 1955, т. 15, с. 238-239.

ТЕМА 5. Л.Н.ТОСТОЙ И ВОСТОК

План:

1. Концепция Востока в мировоззрении Л.Н.Толстого
2. Восточный эпос и фольклор в творчестве Толстого.
3. Толстой и суфизм.

Лев Николаевич Толстой в своем отношении к Востоку продолжил, развил и обогатил передовую, прогрессивную традицию русской общественной мысли. В жизни Толстого изучение восточных культур, общение с представителями восточных народов заняли гораздо большее место, чем в жизни других крупнейших русских писателей. Он первым из русских писателей установил личные связи с мыслителями азиатских и африканских стран и тем самым как бы перекинул живой мост между русской культурой и культурой восточных народов.

Толстой проявлял к Востоку духовно-поэтический интерес, хорошо знал Коран, жизнь арабов, других мусульманских народов. Толстой больше чем кто-либо из современных ему писателей сделал для ознакомления русской публики с богатствами восточных культур: он переводил произведения фольклора народов Азии, писал статьи об учениях древних мыслителей, содействовал изданию в России книг о великих мудрецах Востока. В вековой мудрости, отражавшей думы и чаяния сотен поколений, в мудрости, воплотившей тысячелетние представления человечества о добре и справедливости, он надеялся найти ответ на проблемы современности. И поэтому он столь заинтересованно вникал в эти древние учения и в позднейшие писания философов Востока.

Толстой находил в культурах Востока непреходящие духовные ценности, обогатившие человечество, относился с огромным уважением к древним мыслителям Китая, Индии, Японии, Ирана и других стран Востока. Однако его интересовала не история философии и борьба направлений в ней, не

вопрос о том, как они трактовали отношение сознания и бытия, а то, как великие мыслители древности понимали смысл жизни, роль и назначение человека, каковы были их моральные принципы. В их сочинениях Толстой искал прежде всего мысль о всеобщей любви как высшем нравственном законе, которым должно руководствоваться человечество(7).

Толстой обращается к восточной литературе во время работы по составлению на рубеже 60-70-х годов "Азбуки" и "Русских книг для чтения" для детей школьного возраста, так как уровень учебных пособий был низкий, а содержание написанных для детей книг было настолько плохо, что "давало школьникам мнимые знания и являлось скорее вредным, чем полезным". (48,с.82). Утверждая национальную русскую систему образования, Л.Н.Толстой мечтает о таких произведениях для крестьянских детей, которые отличались бы ясностью и элементарностью сюжета, четкостью и простотой изложения, отсутствием описательных подробностей.

Работа над "Азбукой" потребовала от него глубокого изучения разнообразной литературы, греческой, индийской, персидской, арабской и т.д. Источником большинства народных произведений Востока, включенных в "Азбуку", послужил сборник на французском языке "Литературный пантеон", вышедший в Париже в 1839 году и содержащий собрание сказок из "1001 ночи", сказок и басен из сборника "Калила и Димна". Впоследствии Толстой не раз читал этот замечательный сборник восточного фольклора и пересказывал его крестьянским ребятам. А в 60-х годах, составляя книги для детей, он издал в виде приложения к своему журналу "Ясная Поляна" две арабские сказки: "Али Баба и сорок разбойников" (под заголовком "Дуняша и сорок разбойников") и "Сказку о багдадском купце Али Коджии" (под заголовком "Неправедный суд").

В 70-х годах в толстовском "Азбуке" и в его "Книгах для чтения" были напечатаны сказка "Галчонок", переработанная из известной народной арабской сказки "Дервиш и воронёнок", сказки "Визирь Абдул", "Строгое наказание", "Два брата", "Царь и рубашка" и другие.

Сопоставление сказок, вошедших в "Азбуку", таких как "Праведный судья", "Царь и сокол", "Царский сын и его товарищи" и др., с источником позволяет сделать вывод, что при переделке Толстой придает сказкам чисто русский характер, используя традиционные для русского народного творчества средства и приемы. Сохраняя их фабулу и мораль, он переносил и действие в русскую деревню, давал персонажам русские имена, заставлял героев говорить простым и ясным русским языком. Так, в сказке "Два брата", рассуждая о том, идти ли за счастьем по пути, начертанному на загадочном камне, старший брат, не верящий в возможность лёгкого счастья, говорит словами русских пословиц: "Искать большого счастья — малое потерять", "Не сули журавля в небе, а дай синицу в руку". На это более легкомысленный "меньшой" брат отвечает: "А я слышал — волков бояться, в лес не ходить, да ещё: под лежащий камень вода не потечёт. По мне идти". Под конец сказки, когда младший брат, погнавшийся за лёгким счастьем, остался ни с чем, старший брат говорит ему: "Вот и вышла моя правда; я всё время жил тихо и хорошо, а ты хошь и был царём, зато много горя видел".

При анализе сказок, восходящих к персидскому и арабскому источникам, следует иметь в виду, что Толстой не ставил перед собой задачи переводчика или популяризатора восточных сказок. Он стремился в доступной для русского читателя форме донести ведущую идею произведения, привлекающего внимание составителя "Азбуки" высоконравственным содержанием, провозглашающим идеи добра, справедливости. Одну из сказок "Тысячи и одной ночи" — "Рассказ о царе Шахрияре и его братьях" — упоминает герой повести "Крейцера соната" Позднышев, говоря о пережитых им муках ревности. Другой эпизод из этих сказок — рассказ из пятого путешествия Синдбада-морехода — был включён в раннюю редакцию трактата "Рабство нашего времени".

Немало восточных пословиц, поговорок и изречений включено писателем в его поздние сборники народной мудрости. Вот некоторые изречения,

выбранные и включённые им в сборники "Мысли мудрых людей на каждый день" и "Круг чтения": "Когда ты говоришь, слова твои должны быть лучше молчания", "Умные люди учатся для того, чтобы знать; ничтожные — для того, чтобы их знали", "Недостаток многих людей — это желание поставить себя учителем над другими, тогда как им следовало бы ещё долго быть учениками".

Но может быть, самое заветное слово о Востоке, об Исламе, об общечеловеческих ценностях сказал великий Лев Николаевич Толстой в своем гениальном "Хаджи Мурате". Горец-разбойник, мусульманин, непокорный враг русских войск стал личным увлечением, антитезой рефлектирующему интеллигенту, героем, воспетым и осиянным светом гения русской литературы. На пересечении горского фольклора, идеологии Ислама, общечеловеческих представлений о смысле жизни создается мировой космический образ.

Известно, что сущность мировоззрения и творчества Толстого является любовь к жизни и к людям, единение людей между собой. Именно поэтому во время работы над сборниками афористических высказываний писатель вновь и вновь обращается к Корану, заимствуя в нем мысль о необходимости общности народов. У Л.Н.Толстого читаем: "Если бы богу было угодно, он бы сделал всех нас одним народом, но он испытывает нас. Где бы вы ни были, все стремитесь изо всех сил к добру: придет день, когда бог соединит всех вас"(т.41, с.315).

Включая в сборники афористических высказываний "Круг чтения", "Мысли мудрых людей на каждый день", "Путь жизни" изречения Мухаммеда, Толстой выбирает положения, близкие его религиозно-нравственным представлениям о жизни "по-божески". Он останавливается на таких откровениях Мухаммеда, как: во-первых, о необходимости смиренно сносить лишения и бедность. Творчески относясь к предписанию пророка "Нищета - моя гордость", Толстой в сборнике "На каждый день" со ссылкой

на Магомета помечает изречение: "О господи! Удержи меня в бедности при жизни моей и позволь мне умереть бедняком (т.44, с.88);

Толстой считает, что "в личных отношениях людей возмездие должно уступить место братской любви и непротивлению злу насилием", «по Мухаммеду, наиболее почитаем у бога тот, кто прощает обидчику обиду, особенно когда обидчик в его власти» (т.45, с. 232).

Пытаясь найти в каждой религии положительное нравственное зерно истины, Толстой обращается и к суфизму (мистическому течению в исламе, зародившемуся на рубеже XIII- IX веков). Суфийскую мудрость писатель заимствует из английского сборника, включающего свод этических норм различных религиозных учений, изданного М.Д.Конвэем в Лондоне в 1874-году. Из этой книги Толстой перевел и включил в "Круг чтения" в раздел недельного чтения легенду Фарид-ад-Дина Аттара "Архангел Гавриил".

По учению Суфиев, все сущее - есть бог, он растворен в каждой частице бытия, в том числе, и в человеке. Поэтому высшая цель и предназначение человеческой жизни состоит в том, чтобы сблизиться с богом, отречься от всего земного. Самое ценное в человеке - это частица "божественного духа", заключенная в нем.

Суфии провозглашали любовь как средство познания истины - бога. Это положение суфизма приводится Толстым в сборнике "Круг чтения": "Я обошел всю землю, отыскивая руководящий свет. Я без отдыха искал его и днем и ночью, и, наконец, я услышал проповедника, который открыл мне истину. Проповедник этот был в моей душе, и тот свет, который я искал по всему миру, был во мне" (т.41, с.309-310).

Как и суфии, Толстой убеждает: "Не ищи бога в храмах. Он близок к тебе, он внутри тебя. Он живет в тебе. Только отдайся ему, и ты поднимешься выше счастья и несчастья" (т.45, с.60). Отрицание писателем святости храмов как места пребывания божества, обрядности господствующей религии напрямую смыкается с учением суфиев и, в частности, Хафиза, проповедующего, что так как все люди ищут любви, "и

весь мир есть обиталище любви", то оказываются ненужными мечети и церкви. Л.Н.Толстой, как и суфий Руми, например, считает самым ценным в человеке частицу "божественной силы", благодаря которой человек, признающий луч "божественной силы", "уважает себя и других и не пренебрегает ничтожными делами, но смотрит на них, как на проявление божеской силы" (т.42, с.159).

Тщательно изучив этику и мораль Востока, Лев Толстой отметил, что миллиарды людей, сотни лет просеивали лучшее "через решето и сито времени. Отброшено все посредственное, осталось самобытное, глубокое, нужное: остались Веды, Зороастр, Будда, Лаодзы, Конфуций, Ментуе, Христос, Магомет, Сократ."

Контрольные вопросы:

1. Раскрыть концепцию Востока Л.Н.Толстого.
2. Периоды развития темы Востока в творчестве Толстого.
3. "Азбука" и "Книга для чтения"
4. Сборники "Мысли мудрых людей на каждый день" и "Круг чтения".
5. Восприятие и осмысление суфизма в мировоззрение Толстого.

Литература:

1. Асмус В. Мировоззрение Толстого //Литературное наследство, т.69, кн.1, - М., 1961.
2. Бертельс Е.Э. Суфизм и суфийская литература, - М., 1965.
3. Бирюков П. Толстой и Восток. - Новый Восток, 1924, №6.
4. Зайденшнур Э.Е. "Фольклор народов Востока в творчестве Л.Н.Толстого. - Тула, 1960.
5. Калила и Димна. Пер. Крачковского И.Ю. и Кузьмина И.П. - М., 1957.
6. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 90 т., т.23, - М., 1957.
7. Шифман А.И. Лев Толстой и Восток. - М., 1971.

**СПИСОК ТЕКСТОВ («ОРИЕНТАЛЬНЫХ» ПРОИЗВЕДЕНИЙ)
ДЛЯ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОГО АНАЛИЗА**

Василий Андреевич Жуковский (1783-1752)

Лала Рук.

Федор Николаевич Глинка (1786-1880)

Голубице. Из псалмов Давида.

Илия - богу .

Бог - Илие.

Псалом 136.

Константин Николаевич Батюшков (1787-1855)

Мадагаскарская песня.

Подражания древним.

Александр Сергеевич Пушкин (1799-1837)

«Станбул» гяуры нынче славят

Подражания Корану

Пророк

Соловей и роза

Талисман

Фонтану Бахчисарайского дворца

Из Гафиза

Подражание арабскому

Дмитрий Владимирович Веневитинов (1805-1827)

Песнь грека

Петр Андреевич Вяземский (1792-1878)

Бахчисарай (Ночью при иллюминации)

Евгений Абрамович Баратынский (1800-1844)

Переселение душ

Сампсон

Александр Иванович Полежаев (1804-1838)

Валтасар (Подражание V главе пророка Даниила)

Черная коса

Черкесский романс

Демон вдохновенья

Цыганка

Михаил Юрьевич Лермонтов (1814-1841)

Две невольницы

Ветка Палестины

Спеша на Север издалика....

Три пальмы (Восточное свказание)

Спор

Свидание

Федор Иванович Тютчев (1803-1873)

Саконтала (Из Гете)

По прочтении депеш императорского кабинета,

напечатанных в «Journal de St.
Petersbourg»
Современное
Алексей Константинович Толстой (1817-1875)
«Из Индии дальней...»
Афанасый Афанасьевич Фет (1820-1892)
Циганке
Соловей и роза
Саконтала
«Не дивись, что я черна...»
«Я люблю его жарко...»
Подражание восточным стихотворцам
Из Гафиза
«Если вдруг, без видимых причин...»
«Книгу мудрую берешь ты...»
«Уж если все от века решено...»
Якоб Петрович Полонский (1819-1898)
Магомет перед омовением
Факир
Из Корана
Видение Османа
Аполлон Николаевич Майков (1821-1897)
Молитва бедуина
Еврейская песня (К картине «Введение во храм»)
Из Гафиза
Купальщицы (мелодия с берегов Ганга)
Лев Александрович Мей (1822-1862)
Подражание восточным
Псалом Давида на единоборство с Голиафом
Еврейские песни
«Поцелуй же меня...»
Хороша ты, хороша...»
«Словно пальма, величаво...»
Алексей Николаевич Апухтин (1840-1893)
Летней розе
Подражание арабскому
Константин Константинович Случевский (1837-1904)
Мемфисский жрец
Ханские жены (Крым)
Семен Яковлевич Надсон (1862-1887)
Бедуин (Из Словацкого)
Три ночи Будды. Индийская легенда
Три встречи Будды
Владимир Сергеевич Соловьев (1853-1900)
Ex Oriente Lux

Кумир Небукаднецара

«Газели пустынь ты стройнее и краше...»

Из Гафиза

«Для меня вопрос мудреный...»

«Языков так много, много!»

«Горькой мудростью людскою...»

Нильская дельта

Иннокентий Федорович Анненский (1856-1909)

Буддийская месса в Париже_

Константин Михайлович Фофанов (1862-1911)

«Пел соловей, цветы благоухали»

«Блуждая в мире лжи и прозы...»

Папоротник

Из библейских мотивов Второзаконие, кн. 5, гл. 3

Из «Цветника роз» Саади

Каменотес. Японская сказка

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
РАЗДЕЛ I. ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МЕЖЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА В РОССИИ XVIII –XIX ВЕКА.....	6
ТЕМА 1. ПУТИ И ФОРМЫ СТАНОВЛЕНИЯ РУССКОЙ ОРИЕНТАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ6
ТЕМА 2. ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК «ПОСРЕДНИК» МЕЖДУ ВОСТОКОМ И РОССИЕЙ.....	11
ТЕМА 3. ФУНКЦИЯ ПЕРЕВОДА В МЕЖЛИТЕРАТУРНОМ ПРОЦЕССЕ.....	20
ТЕМА 4. ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ НАУЧНОГО ОРИЕНТАЛИЗМА В РОССИИ.....	26
ТЕМА 5. ВОСТОК В РУССКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ	33
РАЗДЕЛ II. ВОСТОК В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА	39
ТЕМА 1. РУССКИЙ РОМАНТИЗМ И ВОСТОК.....	39
ТЕМА 2. ВОСПРИЯТИЕ И ОСМЫСЛЕНИЕ ВОСТОКА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ XIX ВЕКА.....	47
ТЕМА 3. ПУШКИН И ВОСТОК.....	52
ТЕМА 4. ЛЕРМОНТОВ И ВОСТОК.....	60
ТЕМА 5. Л.Н.ТОСТОЙ И ВОСТОК.....	66
СПИСОК ТЕКСТОВ («ОРИЕНТАЛЬНЫХ» ПРОИЗВЕДЕНИЙ) ДЛЯ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОГО АНАЛИЗА.....	72
